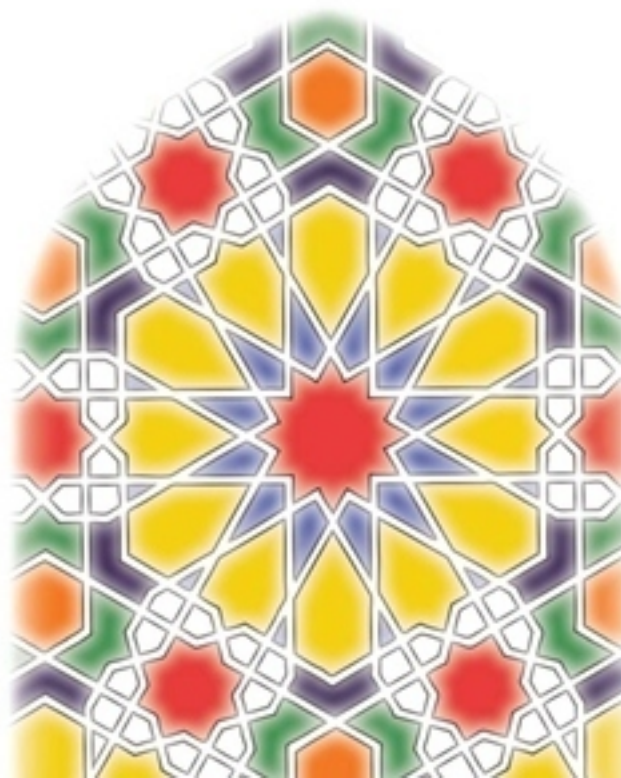

Омар Али-Шах

Суфизм
сегодня

Омар Али-Шах
Суфизм сегодня

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Али-Шах О.

Суфизм сегодня / О. Али-Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-073-3

Суфийская Традиция — не религия и не культ. Это жизненная философия, цель которой — предложить человеку практический путь к достижению более высокого уровня осознанности, что позволяет каждому понять свои отношения с Высшим Существом. Эта философия веками передавалась из поколения в поколение. Она с давних времен сохранила присущие ей качества и охраняла древние тайны, благодаря чему — для тех, кто ищет преумножение мудрости через развитие сознания — они и по сей день остаются доступными в неизменном и неискаженном виде. Традиция утверждает, что человек в его нынешнем состоянии представляет собой плод обусловливания: с рождения он обусловлен без внимания и обдумывания принимать (чаще, чем отвергать) множество взглядов, постулатов и теорий, которые сковывают его мысли и действия на протяжении всей жизни. Подобное обусловливание не всегда является дурным или негативным, в некоторой степени оно просто необходимо. Вера, благочестие, дисциплина, доверие, послушание и порядок — все это благородные качества, которым необходимо обучать; их необходимо изучать и применять.

ISBN 978-5-91051-073-3

© Али-Шах О.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Суфийская Традиция	5
Тридцатилетняя история	7
1	14
2	19
3	23
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Омар Али-Шах

Суфизм сегодня

Суфийская Традиция

Суфийская Традиция – не религия и не культ. Это жизненная философия, цель которой – предложить человеку практический путь к достижению более высокого уровня осознанности, что позволяет каждому понять свои отношения с Высшим Существом.

Эта философия веками передавалась из поколения в поколение. Она с давних времен сохранила присущие ей качества и охраняла древние тайны, благодаря чему – для тех, кто ищет преумножение мудрости через развитие сознания – они и по сей день остаются доступными в неизменном и неискаженном виде.

Традиция утверждает, что человек в его нынешнем состоянии представляет собой плод обуславливания: с рождения он обусловлен без внимания и обдумывания принимать (чаще, чем отвергать) множество взглядов, постулатов и теорий, которые сковывают его мысли и действия на протяжении всей жизни. Подобное обуславливание не всегда является дурным или негативным, в некоторой степени оно просто необходимо. Вера, благочестие, дисциплина, доверие, послушание и порядок – все это благородные качества, которым необходимо обучать; их необходимо изучать и применять.

Мы считаем, что чистота внутренней сущности человека, находящегося в гармонии с Планом Высшего Творца, может поднять его над повседневностью и защитить от искажений и загрязнений «внешнего мира». Это не означает, что человеку следует удалиться в горную пещеру или стать отшельником. Напротив, это значит быть полноценным и лучшим членом своего общества, быть «в Мире, но не от Мира»; следовать правилам и дисциплинам для обретения внутреннего мира; и наставлять своим примером других достойных людей, делая это со смирением и пониманием; внимать голосу Природы, чтобы секреты Традиции могли открыться – разумеется, только тем, чьи намерения чисты и кто может поклясться, призвав в Свидетели Господа Жизни, что будет использовать Мудрость истинно и во благо.

С давних времен фраза «Ex Oriente Lux»¹ вдохновляла многих Святых и мудрецов искать ту нить гармонии, которая к взаимной пользе свяжет Запад и Восток. Святой Франциск Ассизский дискутировал с магами Аравии и Хорасана; Игнатий Лойола переписывался с Мастерами Традиции; у императора Фредерика Великого был советник-араб. В несчастливый период крестовых походов ордена тамплиеров и госпитальеров проводили тайные конклавы, чтобы предотвратить трагические последствия для обеих сторон.

Из истории известно, что в Традиции обычно использовался мозаичный пол в виде шахматной доски – особенность некоторых теккий, или «мест собраний и силы»: черный здесь символизирует одновременно мудрость и тяжелый труд, а белый – радость и Утреннюю Звезду.

Достойный человек должен войти в Традицию свободно, а не вследствие принуждения или обещаний. Он связан клятвой: стремиться к глубинным знаниям и постоянству сознания, чтобы развиваться самому и, благодаря этому, поднимать выше своих собратьев.

Учитель в Традиции – это человек, который прошел тщательную подготовку, касающуюся его внутренней и внешней (или мирской) жизни. Его право учить исходит из источника, авторитет которого неоспорим, и за все свои действия во все времена он будет держать ответ перед Великим Создателем – Мастером Узоров.

¹ Ex Oriente Lux – Свет с Востока (лат.). (Прим. перев.)

Суфийская Традиция ни в коей мере не является несовместимой с повседневной жизнью и достойной деятельностью в обществе. Конечно, цель каждого суфия – развить внутреннее понимание нашего Божественного Творца; и, через приближение к этому знанию, приносить благо себе, своим близким, и своему обществу. Суфийский путь ни в коем случае не должен приводить человека к конфликту с силами Природы или к подавлению глубинного сознания.

Мы искренне предлагаем Традицию Западу. Это предложение преследует важнейшую цель. Если послание суфиев найдет отклик на Западе, пусть это послужит рождению братства, которое преодолет время и расстояние, и принесет этой планете Тайное Знание, разделенное между людьми, Божественную Благодать.

Омар Али-Шах.

Тридцатилетняя история

Для учеников эта история началась приблизительно в 1960 году. Тогда несколько человек в Лондоне и Париже поддерживали контакты с учебными группами Успенского, а позднее – непосредственно с Гурджиевым, наставником Успенского.

Необходимо описать ситуацию в Париже перед приездом туда братьев Идриса и Омара Али-Шах. Отнюдь не собираясь снова оживлять прежние баталии, я должен все же сказать, что после смерти Гурджиева в 1949 году осталось весьма запутанное наследие, в результате чего многие люди весьма по разному пытались продолжить его работу. Жанна де Зальцман, одна из его первых учениц, в конце концов, смогла внести некоторый «порядок» во всю эту деятельность и добилась учреждения так называемого «учения Гурджиева». Ее авторитет признали многие последователи Гурджиева, но далеко не все. Она сумела собрать под своим началом иерархическую организацию, которая и по сей день существует под руководством ее сына Мишеля де Зальцмана.

Однако большое число людей, связанных с «гурджиевской» деятельностью в Париже и Лондоне в пятидесятые годы, не желали соглашаться с этой так называемой преемственностью и занимались поисками полномочного представителя древнего учения;

поскольку, даже если то, чем они располагали, было фальшивой монетой, они понимали, что подлинное золото существует.

В этот период парижанка по имени Вера Пейдж, вдова поэта Рене Домалья, позднее ставшая женой британского ландшафтного архитектора Рассела Пейджа, тоже отказалась подчиняться власти мадам де Зальцман и, опираясь на идеи Гурджиева, которого знала лично, организовала собственную группу. Таким образом, в Лондоне и Париже параллельно велась деятельность, которую направляли старейшие адепты учения, обладавшие большим опытом и, как правило, знавшие Гурджиева лично.

В 1961 году у Веры Пейдж обнаружили рак. Вскоре она умерла. В связи с этим будущее парижской группы вызывало беспокойство, особенно потому, что молодежь проявляла желание захватить руководство, в то время как старшие члены были достаточно разумны, чтобы не стремиться к власти.

Примерно в это же время Реджинальд Хоар прочитал в журнале Блэквуда статью о путешествии по Афганистану. В этом материале приводилось описание суфийского упражнения, которое на тот момент было известно только десяти «гурджиевцам» высшего ранга. Реджи решил, что за псевдонимом скрывается некто, много знающий о Традиции и ее происхождении, и отправил редактору журнала письмо, адресованное автору статьи, надеясь установить с ним контакт.

Идрис Шах, позднее назвавший этот материал «рыбной ловлей», ответил на письмо как автор публикации. Реджи встретился с ним и убедился, что этого человека необходимо познакомиться с различными экс-гурджиевцами Англии и Франции. Шах согласился учить некоторых из них, а иным отказал.

Хотя на Рассела Пейджа оказывали большое давление, пытаясь убедить его возглавить парижскую группу, к его чести надо сказать, что он попросил Шаха принять руководство над этой «дрейфующей» организацией. Шах согласился. Первая его встреча с парижской группой состоялась весной 1962 года. Омар Али-Шах, или «Ага», как мы стали его называть, в тот период еще путешествовал и появился на сцене некоторое время спустя.

Нам предложили написать письма с объяснением причин, побудивших нас войти в группу, немедленно прекратить чтение работ Гурджиева и перестать практиковать движения (пример этих несколько стилизованных роботоподобных движений можно увидеть в конце

фильма «Встречи с замечательными людьми» – в основном на экране фигурируют адепты гурджиевского движения того периода).

В 1962-63 годах центр активности переместился в Англию, в Кумб Спрингс, имение, переданное Идрису Шаху Джоном Беннеттом, и там проводились трехдневные встречи.

В Париже занятия по четвергам начинались с прослушивания мантры ОМ МАНЕ ПАДМЕ ОМ, затем звучали записи суфийских текстов, которые читал И.Шах. Упражнение «Латаиф» появилось позднее. На одной из встреч в Англии Шах заявил, что его брат приедет в Париж и будет жить среди нас.

Книга Рафаэля Лефорта «Учителя Гурджиева», вышедшая в 1966 году, завершила разрыв с организованными последователями Гурджиева, поскольку на ее страницах наглядно показывались происхождение (о котором сам Гурджиев всегда говорил довольно туманно) и ограниченность его учения, обусловленная личностью самого Гурджиева. Для последователей Георгия Ивановича мысль о том, что он был всего лишь одним из многих людей, прошедших через руки Хваджаган, центрально-азиатской школы суфиев Накшбанди, была и остается неприемлемой. Книга вызвала критику тем, что повествование в ней строилось по принципу притчи. В то же время критики заявляли, что учителей Гурджиева в шестидесятых годах XX-го века уже не было в живых и, таким образом, непонятно, от кого же тогда автор почерпнул приведенные сведения? Но поскольку в книге нигде нет указаний на то, что события происходят именно в этот период, аргументы критиков неубедительны: как можно одновременно критиковать книгу за сказочную форму и за неточность в датах?

Ага приехал к нам в 1963-64 году. В этот период велась обширная деятельность, не связанная с «эзотерикой»: было снято помещение, организована распродажа, чтобы собрать деньги. На тот момент было необходимо отойти от сугубо эзотерической направленности гурджиевцев. Люди тогда тратили слишком много времени на разговоры, и сейчас становится понятно, что Ага освобождал людей от узконаправленного «эзотерического» мышления, побуждая всех нас думать обо всем проще. Ага попросил принести для инспекции имеющуюся у нас эзотерическую литературу; в результате большая ее часть была продана в магазины подержанных книг. Вновь подчеркну, что происходившие тогда события необходимо оценивать в контексте ситуации в целом. Насколько я знаю, Ага с тех пор никогда не выступал цензором в нашем выборе книг; более того, для него это было бы просто невыносимым.

С самого начала Ага называл себя «традиционалистом». Мы охотно верили ему, но большинство не понимало, что это значит. Организация совместных походов и поездок – это пример адаптации старинной методики, которую Ага оживил и адаптировал к нашему времени. В старину караваны и паломничество в Мекку давали людям новый опыт и способствовали развитию более тонкого контакта между дервишами; возможно, будет справедливым предположить, что наши караваны и собрания выполняли ту же функцию.

У нас была старая антикварная лавка, которую группа совместными усилиями превратила в магазин Традиции. Я присоединился к ним осенью 1964 года, чтобы помочь со штучными работами, и сильно увлекся Катериной, которая вводила меня в курс происходящего. Обстановка была странной: что бы ни объединяло этих людей, их нельзя было назвать близкими друзьями. Мы с большим энтузиазмом очищали и красили стены; никто толком не знал, как это надо делать.

Личная история: ночь перед открытием магазина, четверг. Пока остальные выполняли упражнение, я занялся подготовкой магазина к вернисажу: в помещении было очень грязно. Вместо того, чтобы, закончив упражнения, помочь мне с уборкой, большинство членов группы отправились в соседний ресторан ужинать, осталось лишь несколько человек. Ага с женой проходил мимо, собираясь присоединиться к остальным в ресторане. Он с первого взгляда понял ситуацию, засучил рукава и стал убираться вместе с нами.

У него был очень своеобразный способ обращения с метлой и совком. Он сметал весь мусор в кучу посреди магазина, потом шел искать совок, снова разнося собранный мусор по всему полу. Затем, найдя совок, приносил его к куче сора, но оказывалось, что он куда-то положил метлу, поэтому ему приходилось откладывать совок и идти искать ее. Затем он опять тщательно сметал все в центр магазина, и весь процесс повторялся сначала.

Он методично повторял этот процесс несколько раз; вскоре мы просто стояли и смотрели на Агу, разинув рот. Он совершал всю эту бурную деятельность без тени улыбки, как Бастер Китон. Внезапно я понял: Ага был нами. На самом деле, он воплощал в себе то, что я видел вокруг в последние три месяца: Белла поливала плитки азотной кислотой, чтобы отчистить их, и негодовала, если мы кричали, что кислота капает на нас сверху; Жан-Пьер так старательно отдирали штукатурку, что пробился через стену в соседнее здание, и т.п. Но самое странное и самое впечатляющее – Ага изображал нас без насмешек и чувства превосходства. Он был серьезен, сосредоточен и абсолютно неэффективен. В тот момент я осознал, – и это изменило мою жизнь, – что он не только показывал нам наше положение, но демонстрировал его с того уровня, на котором мы тогда находились, а не с более высокого.

Все мы в своей жизни что-то делаем неправильно, а что-то правильно – моя собственная «тихая гордость» связана с тем, что не столь уж многое потребовалось мне, чтобы узнать своего учителя. Конечно, можно сказать и иначе: мой учитель оказал мне честь, позволив себе быть признанным мной. После недавней смерти отца я отчетливо понял, что именно его пример как учителя книгоиздания научил меня ценить то, что представляет собой настоящий учитель.

Очень сложно объяснять наше отсутствие понимания в то время. Мы не имели представления о статусе Мастера, а сам Ага никогда не говорил нам, как мы должны к нему относиться или использовать его: он ждал, пока мы поймем сами. В четверг после упражнений мы все отправлялись в боулинг, хлопали его по плечу, рассказывали глупые непристойные анекдоты; нам не приходило в голову пригласить его на ужин, в ресторане он платил за себя сам.

Катерина рассказывает, что, когда летом 1964 года был организован первый туристический поход в Марокко, все только и делали, что проводили время на террасах различных кафе, на всем пути от Парижа до Танжера, ожидая инструкций Аги. Поскольку он так и не произнес ни слова, люди так и просидели все две недели, глядя друг на друга, пока не пришла пора возвращаться домой.

Хотя наше отношение к Аге часто варьировалось от инфантильной зависимости до грубой фамильярности, он принимал все это с добротой, скрывая нетерпение, которое, возможно, испытывал. Но, честно говоря, так вели себя не все. Вышеупомянутая Белла поняла уровень бытия Мастера, но в группе она считалась чем-то вроде «сумасшедшей», и поэтому ее взгляды нас не убедили. Ее детство прошло в лагере под Освенцимом, и она умерла молодой от рака костей.

В 1965 году мы совершили путешествие в Турцию, в Конью; и Шах, и Ага были с нами. Я на тот момент, когда не дублировал фильмы и не выступал в театре, работал продавцом в магазине.

Первая парижская теккия была организована над магазином в проезде Сен-Андре (сейчас это чайная комната). После ее торжественного открытия Ага вместе с молодой женой вернулся в Англию. Во время похода по Гранаде в 1967 году на загородном кемпинге английский энтузиаст повсюду разыскивал учителя-суфия, который, как ему сообщили, находился со своими учениками в Гранаде. Владелец земли ответил, что здесь нет никого похожего, только семьи с детьми. Когда Ага гулял с ребенком и ставил тент, чтобы защитить девочку от солнца во время отдыха, нам и в голову не приходило помочь ему – между тем, я помню, как он влез на дерево, чтобы привязать растяжку моей палатки, и чинил мою старую машину; казалось нормальным, что он обслуживает меня. Англичанин нашел нас только накануне отъезда.

Невозможно преувеличить эйфорию, которую мы тогда испытывали. Мы были как дети в кондитерской: у нас был двуликий Мастер в виде Аги и Шаха, оба – выдающиеся люди; английская и французская группа были объединены, вскоре в группе появились и два застенчивых испанца; Южная Америка и США еще не присоединились к каравану, и мы искренне считали, что работа завершена и остается лишь пожинать ее плоды, которые сами упадут нам в руки.

В 1967 году Касселл выпустил новый перевод «Рубайат» Омара Хайяма, осуществленный Робертом Грейвзом и Омаром Али-Шахом. На тот момент Роберт Грейвз был самым знаменитым из живущих англоязычных поэтов, и объединение с ним дало Аге, вероятно, самую широкую в его жизни популярность и известность в прессе. На самом деле, перевод почти полностью выполнил Ага, вклад Грейвза заключался, скорее всего, в десятке небольших дополнений, внесенных в текст. Во время скандала, вызванного этим «осквернением» священного текста, Грейвз косвенно признал роль Аги, заявив, что предложение стать соавтором перевода было «высочайшим поэтическим комплиментом, который я когда-либо получал».

Сейчас влияние суфиев на всю арабскую и персидскую классическую литературу и поэзию является общепризнанным фактом, и поэтому трудно представить себе эффект разорвавшейся бомбы и гнев, вызванные этим переводом в то время. Версия Фитцджеральда считалась канонической, хотя полностью противоречила оригинальному тексту Омара Хайяма. На ней выросло несколько поколений английских детей, и никого не интересовало то, что Фитцджеральд превратил мистическую поэзию в антирелигиозную пропаганду. Какое всем было дело до двух странных людей, которые утверждали, что на поэтическом языке Хайяма «вино» означает состояние особого «опьянения», в которое человек входит, когда начинает познавать Бога? И что с того, что Фитцджеральд был противником религии, какое это имеет значение?

Начавшиеся споры в печати заботливо подпитывались письмами от друзей (которые позиционировали себя и «за», и «против»), ответами на ответы, спровоцированные прежними ответами; в газетных колонках читательской корреспонденции все это наслаивалось одно на другое. Имена Аги и Шаха были вывалены в грязь: кто эти афганцы, неизвестно откуда взявшиеся, не имеющие за плечами стажа преподавания в каком-либо институте или университете?

Ситуация обострялась еще и тем, что книги Шаха как раз начали становиться бестселлерами, и Том Махлер из издательского дома «Джонатан Кейп» хотел сделать из него преемника Махариши. Английские востоковеды, заведовавшие различными институтами и системой образования в целом, монополизировали в литературе эту тему, но их книги продавались всего лишь сотнями, поэтому они неодобрительно отнеслись к появлению на своей территории какого-то выскочки. Подлинность рукописи, использованной для перевода, вызвала бесконечные споры; от Аги потребовали предъявить персидский оригинал; в данных обстоятельствах, он отказался идти на поводу у подобных людей и так и не предъявил использованный источник.

На пасхальной встрече 1968 года Ага попросил встать и пересчитаться тех, кто желает участвовать в суфийской работе, которую с этих пор будут называть не «Работой», как у гурджиевцев, а «Традицией». Это вызвало первый из целого ряда последовательных шоков.

Он никогда раньше не требовал от нас подобной демонстрации; мы все были достойными и послушными (а некоторые даже высокоинтеллектуальными) людьми. Потом он сказал, что собирается перестать заботиться о нас. Я не поверил ему ни на мгновение – сама эта идея была чем-то невообразимым. Может быть, он обращался только к некоторым из присутствующих; этот случай навсегда остался для меня загадкой. Я не могу объяснить произошедшего, а значит, не буду и пытаться.

Возможно, события того периода были своего рода лакмусовой бумагой, то есть способом, которым братья оценивали, как Традиция суфиев приживется на Западе. В любом случае, с этого момента братья пошли разными путями, или «согласились не соглашаться», как сказал нам Ага.

Сам Ага писал: «Что касается соглашения о нашем несогласии с И. Шахом, – это был простой, но фундаментальный вопрос: он – теоретик, занятый представлением Традиции в том виде, в котором она «приемлема» для академиков, профессиональных философов и интеллектуалов».

В этом письме Ага также заявляет: «Я не теоретик. Я знаю, чему я обучен учить, что должен передавать и нести людям, и я делаю это наиболее эффективным способом. Я не ищу «одобрения» западных мыслителей. Мне не нужны почетные звания и аплодисменты ученых. Я отвечаю, прежде всего, перед теми людьми, которые доверились мне, и если мне придется прибегнуть к каким-то странным или даже шокирующим действиям, чтобы передать им знания или энергию, я сделаю это, понимая, что многие будут обескуражены» (письмо от 4.10.1986).

Первая встреча с нашими новыми друзьями из Южной Америки состоялась во время групповой поездки в Ассизи летом 1969 года. Мы сочли, что они очень приятные люди, однако их способ самовыражения отличался чрезмерным энтузиазмом. Бернард Л. зашел так далеко, что предложил «вызволить» некоторые реликвии из соседней церкви. Его вежливо поблагодарили и в сентябре отослали прочь.

Рождение двух сыновей не позволило нам с Катериной участвовать в поездках в 1970-73 годах. В то время Ага усиленно занимался созданием групп в Южной Америке, началась работа в Мексике, от имени Аги была создана группа в Италии, серьезная экспансия началась в Германии. Новые группы в Мексике, Бразилии и Аргентине были полны сил и энтузиазма, по темпераменту их члены сильно отличались от англо-французских представителей, входивших в бывшую гурджиевскую группу в Париже; и их восприятие того, как строится подобная работа, тоже было совершенно иным.

В 1971-72 году произошел разрыв: «Мы с братом согласились не соглашаться в вопросе о проекции учения на Западе». То, что в тот момент представлялось немислимым, позднее показалось абсолютно логичным. Нас очень сильно смутило тогда – и продолжает смущать людей даже сегодня – то, что, как сказала Ирина Хоар, «многие люди, некогда зараженные Традицией, не в состоянии из нее выйти, даже если не способны найти в себе достаточно доверия, чтобы полностью предаться Мастеру». Всегда существует множество людей, считающих, что им отведена главная роль, они ожидают своего звездного часа; именно эти люди обычно находят дорогу к прессе и в глазах представителей внешнего мира становятся «экспертами» по какому-либо предмету.

Когда два канала решили разделиться, многие остались посередине, потому что не нашли в себе настоящей уверенности. Другая, столь же многочисленная часть людей, которой пришлось по душе весьма аскетический дух и силовые принципы гурджиевской работы, не могли вынести призыва задуматься над вопросом: чем они столько времени занимались.

Но вот что воистину «отделило мужей от мальчиков»: с какого-то момента Ага начал вводить в нашу практику молитвенные призывы на арабском языке, с них должны были начинаться наши упражнения – из многочисленных англоязычных участников первоначальной группы лишь немногие продолжают работать с нами по сей день.

В результате активной работы, которую Ага проводил в Испании и Латинской Америке, к Традиции присоединилось множество новых членов, началось строительство новых тек-кий (помещений для встреч дервишей).

С расстояния двадцати прошедших лет, очевидно, что Ага и в самом деле работал в более классическом русле, чем его брат: групповые встречи, молитвы на арабском языке, коллективные упражнения и занятия, поощрение чувств принадлежности и идентификации, что, по сути, подобно военной муштре. Я не был непосредственным участником процесса обучения у Идриса Шаха, но мне кажется, что оно происходило в режиме более непосредственного контакта между учеником и его или ее наставником, с упором на книги, как на основной источник

руководства; а использование группы как инструмента или механизма передачи в применяемой им методике было менее важно.

На Пасху 1976 года бразильские и мексиканские друзья присоединились к нам в Пьеррефитте. Было ужасно холодно, шел снег. Наши товарищи, без теплой одежды, только что из южноамериканского лета, разместились на полу неотопляемой церкви, а члены парижской группы на ночь вернулись в свои теплые гостиничные номера.

Большой теплый дом одного из наших друзей, расположенный напротив церкви, оставался пустым, чтобы жившие там Ага и Анна могли уединиться. Возможно, наши иностранные товарищи, потягивая текилу, которую они купили в качестве единственной защиты от вездесущего холода, могли видеть, как в доме напротив готовится изысканный ужин. На следующее утро члены парижской группы почувствовали от них запах алкоголя и были шокированы: эти южноамериканцы не умеют себя вести! Когда потом до нас дошли слухи о том, что наши товарищи сочли нас не слишком гостеприимными, мы в ответ решили, что этим людям не хватает уважения по отношению к старшим ученикам Традиции.

На пасхальном собрании 1978 года в Аркосе произошел случай, который заставил меня серьезно задуматься: в последний вечер испанцы и бразильцы, многие из которых видели Агу в первый раз, организовали шоу с песнями и танцами, закончившееся чуть ли не всенародным разгулом под дружные выкрики «Ага! Ага!»

Тогда Ага со своим обычным спокойствием поднялся на сцену и начал восхвалять преданность своей жены такими словами, которые были бы уместны в устах любого профессионального политика во время предвыборной кампании. Конечно, реакция последовала незамедлительно: все присутствующие разразились криками «Анна! Анна!», люди вскакивали на столы и топали ногами. Столы были на подвижных распорках, они начали падать, одна из бразильских женщин оказалась под ними, а сверху другие продолжали топтать; в результате упавшей сломали ногу. Я взглянул на объект их восхищения – лицо Анны побелело от ужаса, она была в шоке. Англичане изумленно смотрели то друг на друга, то на окружающее их безумие: этого ли они ожидали? Через несколько месяцев все они покинули нас.

Почему и я не последовал за ними, хотя ни в коей мере не являлся любителем подобных представлений? Просто потому, что на следующий день я поговорил с друзьями, которые «возглавляли» этот эпизод, и понял, что это «спонтанное» событие было организовано, оно произошло не случайно, все было тщательно спланировано и отрепетировано. В тот момент мое любопытство было слишком сильным, чтобы позволить мне уйти. Я хотел знать причины.

Четырнадцать лет спустя я, кажется, начинаю приближаться к ответу, который удовлетворяет меня в достаточной степени, хотя я прекрасно понимаю, что он понравится далеко не всем. Дело вот в чем: как только в человеке начинает работать механизм чрезмерного самоотождествления, параллельно в действие вступает процесс, в результате которого гипертрофированное чувство своей значимости разрушает самое себя. Я бы сказал, что здесь действует практически непреложный закон: когда человек слишком сильно связывает себя с подобным чувством собственной важности, он одновременно начинает ощущать, что вместе с этой бесполезной оболочкой разрушается и его сущность. Тогда человек либо проглотит горькую пилюлю и будет продолжать свой путь, либо в обиде удалится. Кто-то остается, кто-то уходит.

Этот закон применяется на всех уровнях, его нельзя считать исключительно теоретической концепцией. Он затрагивает все области человеческого поведения, включая взаимоотношения с учителем. В любой истинной Традиции человеку, в конце концов, приходится определять границы своей преданности учителю и учению, поэтому нетрадиционное или шокирующее поведение учителя является неотъемлемой частью всех существующих методик. Благодаря этому учитель может убедиться, что обучение действительно происходит. У ученика всегда есть возможность покинуть учителя; если бы учитель не испытывал доверие ученика,

это значило бы, что он дуриет тому голову, лишая его неотъемлемой свободы выбора: уйти или остаться.

При взгляде извне, как в описанных выше случаях, с обычной и /или общепринятой точки зрения может показаться, что учитель манипулирует учениками в собственных интересах. Только когда человек долгое время на собственном опыте знакомится с практикой суфийской Традиции, он начинает понимать, каким образом фактор времени связан с личными событиями и восприятием, и как он изменяет отдельную личность, воздействуя на базовый человеческий материал, вовлеченный в процесс.

Одна из самых трудных для западного человека вещей – научиться доверять своему учителю, потому что вся западная традиция мышления (с маленькой буквы «т») основана на скептическом и узко-аналитическом подходе к реальности. В суфийской Традиции мы считаем это частью неизбежного социального или средового обусловливания, которое необходимо преодолеть.

Поэтому не удивительно, что академики, у которых смирение никогда не было сильной стороной, реагируют на эту ситуацию словами: «что эти суфии о себе воображают, почему они позволяют себе смотреть на нас сверху вниз». На самом деле, мы всего лишь говорим, что мы – не собственники знания, а его слуги, что у западного образования неправильно расставлены приоритеты, ведь информация начинает обретать хоть какую-то ценность только после того, как достигается базовое знание себя.

Отсюда возникает вопрос: что такое знание себя? У каждого есть собственный ответ, если речь идет о нем самом, и, вероятно, каждый при этом прав; достаточно сказать, что в суфийской Традиции подобное знание считается достойным плодом работы и обучения длиною в целую жизнь. В этой картине присутствует и вера, поскольку необходим некий эталон, который побуждает нас хотя бы стремиться к совершенству, независимо от того, суждено ли нам его достичь.

Если смотреть на вещи подобным образом, можно сказать, что учитель-суфий и суфийская группа – просто инструменты, чья задача – создавать связь между индивидуумом и знанием высшего порядка. Чтобы стать участником этого процесса, человек должен на некоторое время хотя бы предположить, что действительно существует подобное высшее знание, которое может быть связано со знанием собственного «Я».

В этой связи хотелось бы ясно определить границы любой философии или способа мышления: суфийская Традиция как таковая не может породить в человеке самопознания, не может создать в нем веру, так же, как и доверие, и не может и не создает восприятие Бога. Тем не менее, она представляет собой методику, которую любой человек, независимо от своего происхождения и способностей, может использовать в качестве основы или подспорья для развития всего вышеперечисленного. Омар Али-Шах снова и снова повторяет: «Я не могу сделать это за вас».

Кто-то, прочитав о том, как люди ломают себе ноги или спят на холодном полу, может воскликнуть: «Какое отношение все это имеет к духовному развитию? Они просто дикари!» На это я могу ответить только: «Да, но стремлюсь я к иному. Возможно, сейчас я дикарь, но с помощью Бога и Традиции я не всегда буду им».

Долг учителя-суфия – делать то, что должно быть сделано. У него не всегда есть время или желание объяснять свое поведение. В любом случае, объяснить что-либо можно только до определенного предела.

Оги Хейтер

1

Характеристики Традиции

Суфийская традиция, по сути, представляет собой путь братьев и сестер, объединенных общим усилием и целью. Это вольное объединение людей, которые свободно приходят в Традицию и свободно могут выйти из нее. Если они покидают Традицию, мы не считаем их отлученными, отвергнутыми, проклятыми и прочие подобные глупости. Они могут по собственному выбору прийти и по собственному выбору уйти. Когда они уходят, мы сожалеем об этом; если они оказываются разлученными с нами, мы поддерживаем контакт. Но если люди активно вовлечены в деятельность Традиции, то должны следовать ей преданно и дисциплинированно.

В Традиции они отвечают передо мной, отвечают перед тем человеком или людьми, которым я дал право осуществлять контроль над деятельностью, и отвечают сами перед собой. Я могу быть с ними постоянно, один из моих представителей может присутствовать и быть доступным, но самая большая, величайшая их ответственность – перед самими собой. Если они ее не чувствуют, если человек не знает, как он может отвечать перед самим собой, ему лучше уйти, пока давление не стало слишком сильным.

Я не хочу сказать, что давление станет настолько сильным, что появится опасность сойти с ума или что-то вроде того. Традиция не действует в области безумия, не применяет угроз и запугивания. Мы сообщаем людям об их возможностях и учим, как достичь возможного. Я толкаю и тяну людей, говорю с ними, требую и делаю все необходимое, чтобы им помочь; я смеюсь над ними и с ними, но я не выполняю их работу за них.

В Традиции мы называем это «путем» или «путешествием». Если я проделал такое путешествие, прошел по этому пути, то могу указать путь другим, могу рассказать, с какими проблемами они, скорее всего, столкнутся, какие действия или знания они могут использовать при встрече с теми или иными препятствиями. Я не совершаю путешествие за них, и никто не должен ожидать от меня этого.

Я скажу вам следующее: я профессионал, а не любитель и, благодарение Богу, не интеллектуал. Я – профессионал и прагматик. Если я о чем-нибудь говорю, то это, как правило, основано на моих личных знаниях и опыте. Я не вдаюсь в туманные теории о сверхъестественном: они могут быть очень увлекательными и вызывать выброс адреналина, но подобны фейерверку, который быстро сгорает. Если вам нужен постоянный «кайф» и возбуждение, ищите в других местах.

Люди могут подумать: «Он рисует мрачную перспективу, сплошные страдания, обреченность и ужасы» – но это не так, я имею дело с практической деятельностью, занимаясь ею в позитивном и полезном ключе. Я не буду рисовать вам слащавые картины, где кругом только розы и райские кущи. Я не верю в «кнут и пряник», в поощрение и наказание, в формулы вроде «сделай, а не то». Если я говорю: «Сделай, а не то...», я всегда четко и недвусмысленно объясняю альтернативу. Я учился и продолжаю учиться в суровой школе. Как говорят в моей стране, «мои волосы побелели не от солнца». Я стремлюсь ничего не отдавать на откуп так называемому интеллектуальному воображению; есть более эффективные методы. Я не играю ни с чужим счастьем и рассудком, ни со своими собственными.

Если я настаиваю на определенных ценностях и исходных предпосылках² причина в том, что, в моем представлении, это проверенные, полезные и правильные техники; деятельность в русле Традиции следует принципам технической точности и дисциплины. Все, что мы делаем,

² Исходные предпосылки (terms of reference) – технический термин в Традиции; совокупность представлений, на базе которых человек строит свои суждения или оценивает происходящее. (Прим. перев.)

все, что используем – наша музыка, зикры, цветовые сочетания – это технические инструменты в общем контексте Традиции.

Да, некоторые из перечисленных инструментов окружены массой эзотерических... «наростов» – за отсутствием лучшего слова. Если вы используете точный и хрупкий технический инструмент, то для эзотерической чепухи места нет. Но возникает вопрос: «Как в таком случае вы определяете эзотерику и эзотерическое? Как вы определяете естественное или сверхъестественное»? Я их не определяю. Я опровергаю определения того, что называют эзотерикой. Видите ли, к сожалению, такие понятия как «эзотерический» или «сверхъестественный» перешли в разряд мистических блужданий и «третьего глаза», полностью утратив точность. Вы говорите «эзотерический», и все восклицают: «О, да!», и думают о чем угодно – от Ноева ковчега, до Бог знает чего еще. После плотного ужина и нескольких бокалов пива вы объявляете: «А сейчас я расскажу вам кое-что эзотерическое». Все тут же начинают переглядываться с видом заговорщиков, все смотрят на вас, сейчас они «занимаются эзотерикой» – любой полезный разговор или урок на этом закончен.

Мы – те, кто учит, и вы – те, кто учится, унаследовали точный, технически безупречный путь. Каждое учение в книгах великих Мастеров Традиции – это техника, все их книги – методические пособия. Да, чтобы понять их и применять то, чему они учат, вы должны развить определенный способ мышления. Все мы многим обязаны великим Мастерам, потому что они оставили нам огромный запас мудрости. Мы должны использовать эту мудрость и техники. Есть поговорка: мудрый человек, не использующий свои знания, подобен ослу, груженому книгами.

Все упомянутые техники проверены и доказали свою эффективность. Некоторые можно понять полностью и использовать сразу же. Другие становятся понятней с каждым следующим использованием, а третьи останутся скрытыми, пока человек не обретет способность понимать механизм их действия. Тому, разумеется, есть веские причины технического характера. Если бы людям не требовалось ни времени, ни усилий, им можно было бы давать силы и энергии, которые они не в состоянии использовать правильно. Однако это безответственно: все равно, что дать пятилетнему ребенку заряженный пистолет.

Ваша способность использовать техники обычно возрастает. Использование исходных предпосылок и деятельности Традиции в контексте Традиции становится автоматическим. Мне не нравится это слово, потому что «автоматический» подразумевает реакцию робота или марионетки, что полностью противоположно тому, к чему стремимся мы. Когда я говорю, что человек должен научиться использовать техники в контексте Традиции, я подразумеваю именно то, что говорю. В Традиции нас учат быть в мире, но не от мира.

Вы можете спросить: «У меня есть сто долларов, что мне сделать: купить тасби³ или оплатить счет за электричество?», – на самом деле вы не должны задавать таких вопросов. Не верьте мне на слово, попробуйте сами. Вот вы сидите дома, счастливые, со своими новыми тасби. В вашу дверь стучит человек, который говорит: «Я хочу сто долларов за электричество», а вы отвечаете: «Уходи, я – суфий, у меня есть тасби», «Как интересно», – ответит он и отключит электричество. И вот вы сидите со своими четками в темноте и вините во всем этого бесчувственного глупца – подобное поведение обнаруживает отсутствие четкости мышления и действий.

Вы можете сказать: «У меня есть сто долларов, за пятьдесят я куплю маленькие тасби, и оплачу половину счета за электричество; или я могу купить тасби еще меньше и заплатить за электричество семьдесят пять долларов; или я могу заплатить за электричество всю сотню, и тогда смогу работать, мне будет тепло, и я смогу заработать достаточно денег, чтобы купить тасби». Лично мне не кажется, что подобный выбор должен вызывать сильное замешатель-

³ Объяснение этого и некоторых других терминов дается в словаре в конце книги (*Прим. перев.*)

ство, но люди почему-то постоянно попадают в такие ситуации. Честное слово мне, например, задают такие вопросы: «У меня есть десять тысяч долларов. Что лучше с точки зрения Традиции: чтобы я открыл пиццерию или продавал килимы?»

Не спрашивайте меня, спросите менеджера из своего банка, и он, скорее всего, ответит: «Вы должны мне пять тысяч долларов; заплатите, а остальные пять тысяч потратьте с пользой для себя или своей семьи». Имея дело с этой сферой жизни, думайте о коммерческих возможностях ситуации, не смешивайте энергии. В контексте Традиции мы используем очень точную, тщательно переработанную и очищенную энергию, не грубую. Мышцы человеческого тела работают от гальванического тока определенной силы, он необходим и мозгу, и нервной системе – в чрезвычайно точно отмерянных дозах, крошечных, по сравнению с теми, которые требуются крупным мышцам. Чем сложнее зона мозга, тем более чистой должна быть энергия, нельзя смешивать два потока. Они могут течь в человеческом теле параллельно, таким образом, потоки помогают один другому и дополняют друг друга. Но если вы переключите гальванический ток от мышц непосредственно в мозг – допустим, потому что вы хотите думать глубже, быстрее и так далее, – может быть ваш мозг и не взорвется, но произойдет короткое замыкание. В результате ваша попытка приведет к депрессии, замешательству и общей неопределенности.

Все это вам знакомо, нет нужды подробно объяснять такие вещи. Кто-то может сказать: «Все хорошо, я могу делать все, что захочу, Ага присмотрит за мной» – да, я дал слово и буду это делать, но в мои задачи не входит постоянная починка чужих мозгов. Я почию их раз или два раза, объясню прямо или косвенно, как и почему произошло «замыкание», но не буду стоять с молотком и гвоздями наготове каждый раз, когда кому-то приходит в голову смехотворная и нелепая идея, которая вышибет у него пробки. Я уже говорил и повторю снова: я доступен для всех, где бы вы ни были, невзирая на расстояние, место или время, но не с молотком и гвоздями. Я настолько далеко и настолько близко, насколько того хочет сам человек. Я использовал, могу использовать, и буду использовать все возможные, доступные мне техники. Я не могу представить себе ситуацию, в которой не мог бы найти подходящей техники.

Может быть, я страдаю высокомерием и манией величия. Что касается наличия или отсутствия у меня мании величия, есть много способов узнать, так ли это на самом деле. Один из них – сравнить с работами великих Мастеров прошлого все, что я говорю или делаю. Если я говорю или совершаю нечто противоречащее тому, что говорили или делали они – значит, я ошибаюсь.

Еще один невероятно важный аспект Традиции – взаимодействие между мной и членами различных групп, а также взаимодействие внутри групп. Ответственность старших членов группы перед младшими или вновь пришедшими весьма велика. Если смотреть с позиций времени и продолжительности контакта, старшие друзья – необходимое звено между новыми членами группы и самой Традицией. У всех, пришли ли они недавно или уже какое-то время участвуют в этой деятельности, есть вопросы, присутствует замешательство по тому или иному поводу. Несомненная ответственность Наибов, Муршидов и Муршид – постоянно отслеживать появление этих вопросов и областей непонимания.

Это не означает, что нужно подглядывать в окна, прослушивать телефоны, вскрывать почту или названивать людям круглые сутки. Это значит, что необходимо установить, поддерживать и развивать глубокий контакт; замечать неверные предпосылки в мышлении или неправильное поведение до того, как они проявятся в открытую – т.е. в процессе их возникновения, – и принимать необходимые меры для исправления ситуации. Игнорировать тот факт, что кто-то испытывает жажду, не замечать развития его жажды, а в итоге очень поспешно принести ведро воды и облить человека – подобное поведение нецелесообразно. Если вы мыслите тщательно, четко и рационально, то и действовать можете так же. Если вы дадите себе время и будете терпеливы по отношению к себе, то сможете изучить собственные возможности, соот-

нести их с ситуацией и сделать что-нибудь позитивное. Позитивные действия, использующие позитивную энергию, должны давать позитивные результаты. Негативное действие с негативным намерением даст негативный результат.

Вы не должны и не можете эффективно использовать отдельные части Традиции просто потому, что они вам нравятся или кажутся привлекательными. Вы берете и используете все, целиком, или не используете ничего. В Англии существует история про «яичницу священника». В ней рассказывается, как викарий завтракал со священником; а викарий был очень скуп, и, если мог, покупал все по дешевке, поэтому еда действительно была не очень высокого качества. Так случилось, что в тот день они завтракали вареными яйцами, и священник ел очень осторожно. Тогда викарий спросил его: «С вашим яйцом что-то не так?» А священник ответил: «Нет-нет, некоторые его части просто превосходны».

Традиция совершенна в своей целостности. Она весьма требовательна. Она требует хранить верность самой Традиции и верность друг другу в контексте Традиции. Я лично в любой ситуации поддержу вас – и как индивидов, и как группу – всеми возможными способами, но при этом, я столь же быстро брошу вас, если вы нечестны сами с собой. Мы живем и действуем во взрослом мире. И мы должны пользоваться зрелыми и функциональными исходными предпосылками.

Общайтесь, продуцируйте энергию, делитесь ею, получайте ее. Энергия перед вами, путь перед вами, техники перед вами; сложите все вместе с правильным намерением, и вы сможете достичь того, что превосходит ваши самые дикие фантазии.

Молодой человек пришел к суфийскому учителю, работавшему в кузнице, и сказал ему: «Мне говорили, что вы умеете создавать золото из простого металла». «Да, а почему ты спрашиваешь?» – поинтересовался шейх. «Так, может, вы меня научите?» – спросил юноша. «Хорошо, останься со мной ненадолго, и я научу тебя», – отозвался шейх. Минули годы. Потом прошло еще несколько лет. В конце концов, молодой человек поинтересовался: «Эээ, кхм, так вот насчет золота – как вы его делаете?» А шейх ответил: «Мы еще вернемся к этому. Продолжай делать то, что ты делаешь, и я все покажу тебе». И снова прошли годы. Однажды они бок о бок работали в мастерской, и вдруг шейх сказал: «Кстати, сегодня я собираюсь научить тебя делать золото». Молодой человек был сосредоточен на своей работе и ответил: «Да, да, большое спасибо, на самом деле мне это не нужно, как-нибудь потом».

Это я к тому, чтобы ко мне не приходили со словами: «Ага, у меня проблемы с банком, ты можешь рассказать, как делать золото?» Вы получите от меня тот же ответ, что и юноша в притче. Конечно, в этом отнюдь не содержится приглашения проявить находчивость, прийти и сказать: «Вы знаете все об изготовлении золота, меня это не интересует, расскажите мне, что будет дальше», потому что есть первый урок, а потом второй, а потом третий. Насреддин хотел научиться играть на флейте и спросил флейтиста: «Ты можешь научить меня играть так же хорошо, как ты сам?» И учитель ответил ему: «Да, могу, но ты должен платить за уроки». «Хорошо, – согласился Насреддин. – Сколько ты берешь за урок?» Учитель ответил, что первый урок стоит одну золотую монету, а второй – одну серебряную. Тогда Насреддин воскликнул: «Отлично, вот тебе серебряная монета, дай мне второй урок!»

Не бойтесь спрашивать, если не знаете. Но, спрашивая, сначала подумайте и сформулируйте корректный вопрос. Я не хочу слышать вопросы, которым предшествует пересказ всей вашей биографии и объяснение того, что, по вашему мнению, привело вас к этому вопросу: «О, я не решаюсь спросить об этом; о, это так глупо; о, я так смущаюсь» – мне задавали такие вопросы, от которых у вас отпала бы челюсть.

Тот факт, что вы задаете вопрос мне, Наibu или Муршиду, еще не означает, что вы обязательно получите ответ. И это тем более не значит, что вы услышите тот ответ, которого ждали или хотели. Вы, как и некоторые другие, можете долго и тщательно готовить невероятно сложный вопрос, ждать в засаде и выпалить его в тот момент, который покажется вам подходящим.

Скорее всего, в ответ от меня вы получите безумный взгляд и открывшийся в изумлении рот – это еще если повезет. Если я не в обычном своем благостном настроении, реакция может быть и другой.

Я настаиваю на четкой формулировке вопроса по двум веским причинам: во-первых, четкость вопроса отражает стройную структуру мыслей. Во-вторых, формулируя вопрос, человек чаще всего находит ответ сам, что очень полезно.

Если кто-то хочет спросить, как выразить глубинную суть Традиции в одной фразе, я скажу вам. Существует короткая формула, которая содержит самый фундаментальный аспект Традиции: гармоничный баланс, гармоничное равновесие. Правильный баланс не обязательно означает полное отсутствие движения, неизбежны колебания вверх-вниз. Но это не должны быть значительные колебания – скорее дрожь, чем землетрясение.

Равновесие – один из фундаментальных законов Галактики. Можете ли вы себе представить, что произойдет, если планетные орбиты будут устанавливаться посредством демократического выбора? Зрелище будет не из приятных – если конечно кто-нибудь выживет, чтобы это увидеть. Если мы – часть Галактики, почему мы должны быть столь высокомерны, и считать, что можем не повиноваться фундаментальным законам? Полагать, что таким вещам можно не повиноваться – бессмысленное высокомерие. Если вы осознаете свое высокомерие, если для него есть веские основания, его можно использовать. Если же высокомерие не имеет под собой основы, оно, несомненно и неизбежно, подведет вас, когда вы будете особенно сильно на него полагаться. Когда ваше высокомерие подчиняется методике, оно может быть полезным. Но, позволив вашему бесосновательному высокомерию контролировать вас, вы неизбежно получите отрицательный результат.

Почему я столько говорю о высокомерии? Потому что оно принимает различные формы. Высокомерие не относится к более продвинутой стадии гордости. Если человек делает что-то хорошо и эффективно, он, закончив дело, имеет законные основания для того, что мы называем тихой гордостью. Бесосновательное высокомерие может проявляться как неоправданная гордость собственными способностями. Высокомерие может заявить о себе в том, как человек одевается, говорит; в том, как он держится. Люди могут постоянно спотыкаться о собственную ложную гордость и высокомерие, что они и делают, испытывая при этом удивление, шок или замешательство.

Может быть, дело в том, что люди рассматривают это качество как нечто чужеродное, пришедшее извне, чтобы смущать их. Если они сумеют понять, что оно представляет собой на самом деле, то смогут «выследить» его. Посмотрите на ситуацию или на самих себя в правильной перспективе. Терпеливо изучайте себя, используя верные исходные предпосылки, и вы каждый раз будете получать положительный результат. Если вы позволите себе быть нетерпеливыми в поведении или изучении, пользоваться неправильными исходными предпосылками – у вас возникнут проблемы.

Не подводите себя. Не будьте нечестны с собой. Иначе вы пойдете против меня. Не советую.

2

Понятие Мастера на Востоке и на Западе

Одна из серьезных проблем, с которой мы сталкиваемся при передаче Традиции на Запад, связана в большей степени с отсутствием позитивного обусловливания, чем с наличием негативного, на которое я часто жалуюсь.

Слово и понятие «Мастер» или «Учитель» известно почти всем народам Востока, будь то мусульмане, индуисты, буддисты, синтоисты или другие общества, в основе которых лежит какая-либо система верований. Для человека, выросшего на Востоке, слово «Учитель» или «Мастер» столь же знакомо, как и «водитель автобуса», «священник», «молочник» или название любой другой профессии. Существование учителей или Мастеров для этих людей очевидно и понятно – или потому, что их семья связана с каким-то философским учением и они знакомы с этими понятиями, или потому, что на раннем этапе жизни или в другое время они сами сталкивались с таким учителем. Иными словами, при упоминании слова «учитель» или «Мастер», человек понимает, какая концепция стоит за этим. Если вы скажете обычному ребенку-европейцу четырех-пяти лет «вон идет молочник», или «тебе надо к дантисту, к врачу», или что-то вроде этого, ребенок сразу поймет, о чем идет речь, и чем занимается названный человек. Ребенок знает, какое отношение эти люди имеют к нему, как доктор воздействует на людей и лечит их, как зубной врач вырывает зубы, как молочник привозит молоко.

Так вот, на Востоке подобные слова, или названия рода деятельности, не вызывают затруднений. Если человека называют «Мастером чего-то», это сразу же дает понять, чем он занимается, и никакой путаницы не возникает.

Как-то в разговоре я привел пример, известный еще в Средние Века: первой западной страной, в которой появились люди, известные как «Божьи дураки» или «мудрые безумцы», была Россия. Я имею в виду бродячих проповедников, священников, отшельников и так далее; людей, которые углублялись в различные эзотерические и экзотерические аспекты христианства. Их считали не столько Мастерами, сколько учителями и мыслителями. Некоторых почитали «святыми дураками»; тем не менее, русский народ столкнулся с существованием и влиянием подобных людей в качестве учителей раньше, чем народы западных стран.

Для того, чтобы учение Традиции смогло проникнуть на Запад, потребовалось довольно длительное время. Скорость этого процесса во многом зависела от возможности свободно путешествовать: открывались новые маршруты, путешествия стали более безопасными. Процесс смешения и взаимодействия народов (хотя этому и мешали такие эпизоды, как, например, Крестовые Походы) начался на Ближнем Востоке, в Леванте (современный Ливан) и Сирии. Затем он распространился через Северную Африку на Сицилию и оказал влияние на Италию, южную Францию и, в конечном итоге, на мавританскую Испанию.

В этот период был высоко развит обмен философскими идеями между ортодоксальными христианами в Европе и исламским миром. Значение такого обмена знаниями между учеными двух сторон известного мира сложно переоценить. Общим языком была латынь: арабы учили латынь и могли переписываться со служителями церкви и другими людьми Запада; а многие образованные христианские путешественники, и не только они, отправлялись на Восток и учили арабский язык.

Если посмотреть на карту мира X-XI веков, можно увидеть, что отдельные области Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии тесно примыкают друг к другу. Первый способ установления контакта – путешествия – положил начало обмену идеями и обсуждению различных философских вопросов; торговля и все остальное появились позже. Некоторые ранние путешествия русских монахов в Центральную Азию и Афганистан, а потом и в Каш-

мир подробно задокументированы. Многие из них задерживались там на долгие годы и лишь потом возвращались. Таким образом, можно утверждать, что обмен информацией действительно имел место.

Но с распространением в России тех, кого некоторые люди называли исступленными, а другие – Просветленными (кое-кто называл их куда менее вежливо), все чаще стали появляться эпизоды злоупотребления и жестокости. Иногда затворник, просидевший пятнадцать лет в пещере, где он был погружен в великие мысли, тогда как о нем заботились местные жители, выходил из своего затвора и сжигал деревню или просто предавал огню все, до чего мог добраться. На самом деле такие люди были откровенными безумцами, но их поведение создавало институту отшельничества плохую репутацию.

На стадии взаимообмена идеями, философией и эзотерическим знанием людей знакомили с медитацией, молитвенными практиками и тому подобным, постепенно подводя к идее о том, что существует Традиция обучения, которую можно и даже необходимо передать на Запад. Однако эти планы то и дело нарушались очередным безумным отшельником, который, претендуя на обладание неким туманным знанием, выходил и убивал или съедал кого-нибудь, делал что-то ужасное, и ситуация возвращалась на шаг назад.

В то же время происходило введение слова «Мастер» в европейские языки. В средневековой Европе это слово приобрело неудачный оттенок: оно было связано с такими понятиями как «господин-слуга», «хозяин-раб». В общем, слово «Мастер» употреблялось в связке со словом, противоположным по смыслу, и обозначавшим человека, лишенного каких бы то ни было прав, душой и телом принадлежавшего владельцу той или иной местности (собственности).

Необходимо было провести различие между политическим или феодальным властителем, которого называли словом «мастер», и Мастером как учителем. Это было, и по сей день остается, очень трудной задачей. Причиной тому обусловленность контекстом «мастер-слуга» и то значение, которое в результате ассоциируется со словом «Мастер».

Итак, в Средние века безумные анахореты совершали всевозможные отвратительные поступки, а с 1860-х годов люди стали больше путешествовать и, возвращаясь из Азии, или вообще Бог знает откуда, претендовали на то, что являются мастерами того или иного рода. Личности, так себя называвшие безо всяких на то прав и злоупотреблявшие подобным званием, тем самым дискредитировали его и оказывали дурную услугу идее в целом.

В наши дни на Западе множатся различные культы, так или иначе связанные с медитативным духовным развитием, внутренним развитием или методиками внутренней гармонизации. К сожалению, большинство из них – действительно не более чем культы, и пагубные результаты деятельности некоторых из них на сегодняшний день очевидны. Чем чаще такое происходит, тем больше слово «Мастер» теряет свою привлекательность. Услышав о «Мастере», люди говорят: «Ну вот, еще один».

Вы можете сказать: «Но подобные злоупотребления, должно быть, имели место и на Востоке. Вы же не хотите сказать, что там нет сумасшедших или людей, которые используют других в своих целях?» Такие люди были и есть, но на Востоке их деятельность была затруднена или даже невозможна, поскольку все происходило в рамках буддийской, даосской, индуистской или исламской традиции: если человек называл себя Мастером, окружающие знали о его линии преемственности.

Они знали о его происхождении и предках; чьим учеником он был, кто учил его, к какой традиции он принадлежит. Это знание было общедоступным, поскольку все люди, входившие в эзотерические круги или связанные с ними, знали или могли с легкостью проверить претензии человека, который появлялся в облаке дыма или что-то вроде того и говорил: «Я – великий Кто-то-там». И люди могли ответить: «Отлично, и откуда же ты взялся?» – «Я – великий Сам Самыч, ученик наисамейшего Самыча, который был учеником Незнамо – Кого. И люди вежливо говорили ему «отвали» или что-нибудь в том же духе.

В нашей конкретной Традиции мы говорим о Силсиле, что, по сути, означает «линия преемственности от известных учителей» или в рамках конкретной школы Традиции, или в общей иерархической системе. Различные школы или ордена: Накшбанди, Мевлеви, Сухраварди, Кадири и другие – обычно назывались в честь Мастера-учителя, разработавшего данную форму обучения в рамках общего формата Традиции. Например, разные группы, действующие в пределах суфийских орденов, используют различные методики выполнения упражнений и широкое разнообразие техник для создания нужной атмосферы, но их функция, по сути, одна и та же.

В ордене Чишти хлопают в ладоши; Рифаи воют; Мевлеви кружатся; есть те, кто свистит, и многое другое. Функциональная основа различных орденов, их зикры и упражнения, служат единой цели и осуществляются в едином контексте. Выполнение каких-то упражнений или зикров может различаться: одни повторяют слова про себя, другие – вслух; некоторые из них отличаются особым цветом своих одеяний, другие – нет; для общей эффективности их деятельности все это не важно. Иначе вы вполне обоснованно могли бы сказать: «Ну, я пойду к тем, кто громко воет – это кажется более выразительным, чем жалкие Накшбанди, которые сидят молча, будто воды в рот набрали». То, что вы видите и то, что происходит на самом деле – разные вещи.

В рамках Традиции, Силсила представляет собой систему взаимоотношений «Мастер-ученик», дошедшую до нас в неизменном виде. К ней относятся Мастера, которые разрабатывали методику, по необходимости обновляя или изменяя ее, когда того требовали соответствующие условия, но при этом всегда придерживались того, что мы называем главной линией Традиции.

С точки зрения иерархии, каждый отдельный орден обладает административной независимостью. В каждом ордене есть Шейх и Верховный Шейх. Когда человек получает титул Верховного Шейха одного из орденов суфийской Традиции, он автоматически становится Верховным Шейхом всех остальных орденов – то есть считается, что он достиг уровня, на котором точно знает, каковы общие цели и задачи. Это включает в себя и знание об особой или тайной деятельности других орденов. Знание обо всем этом – часть функции Верховного Шейха, что позволяет ему правильно поддерживать равновесие в деятельности разных орденов.

Соответственно, Верховный Шейх Кадири находится на том же уровне, что и Верховный Шейх Мевлеви – в том смысле, что он обладает знаниями о том, как и где действует орден Мевлеви, и может дополнить их деятельность работой в рамках ордена Кадири. Сами Верховные Шейхи подчиняются Аулийя, или Абдалам, которых всего сорок. Те, в свою очередь, подчиняются четырем Столпам, или Кутубам.

Иногда эта система приводит к сильной путанице. Прибегает человек и говорит: «Вот, я был в Багдаде, или в Дамаске, или где-то еще, и я получил зикр или аудиозапись от кого-то из ордена Халлавати или еще откуда-то. Могу ли я, должен ли я все это использовать и как?»

У разных орденов существуют различные способы организации встреч и упражнений, поэтому и инструменты они используют разные. При этом существуют два инструмента, общие для всех орденов: тасби и мантия. Да, имеются также принадлежащие разным орденам кашкули, жезлы, камни, чаши, пояса и многое другое, но два основных и необходимых инструмента, которые используют все ордена, – это тасби и мантия.

Нет такого понятия, как хорошие, плохие или наилучшие тасби. Материал, из которого делаются тасби, может иметь определенное значение – в том смысле, что некоторые материалы лучше хранят, производят, используют и передают энергию. Обычно, в различных орденах кисти на конце четок различаются по форме, но это неважно.

Если намерение человека слабо, и он говорит: «О, я их не возьму, это тасби Кадири» – такого рода предпочтения имеют отношение лишь к социальной сфере. Например: «Это от Вулвортс, а я хочу от Хэрродс». Если у человека есть цель, то можно использовать и грудку

камешков – так поступал Пророк. Поэтому ваххабиты официально запрещают тасби как нововведение. У Пророка было две кучки камней, и он перекладывал камни из одной в другую. Исходя из этого факта, тасби можно считать нововведением, а значит, по мнению ваххабитов, их не следует использовать.

Вернемся к одежде – разные цвета мантий показывают принадлежность человека к тому или иному ордену. Это еще и вопрос удобства – по одежде человека можно опознать и войти с ним в контакт. На одеяние помещают полосы разных цветов, они являются общими для всех суфийских орденов. В некоторых орденах какой-то цвет используется чаще остальных, поэтому считается, например, что голубой – цвет Мевлеви и тому подобное, но все не так строго. Цвета, которые добавляются на одежду, подсказывают, как ее использовать, и гармонируют друг с другом.

Еще одно предназначение мантии – она создает особый микроклимат вокруг человека, который ее надевает. Она помогает накапливать энергию, создаваемую самим человеком, защищает его от определенных внешних воздействий, которые, возможно, и не опасны, но могут помешать. Третье предназначение мантии особенно широко известно: если человек одет в нее в мечети, в теккии или сидит в ней посреди поля, это признак того, что он медитирует или выполняет упражнение, и его лучше не беспокоить.

Как я уже сказал, на мантию могут добавляться цвета. Существуют разные принципы их добавления: по старшинству, на основе того, как данный цвет гармонирует с конкретным человеком или для других целей: например, чтобы восстановить некое внутреннее равновесие, которого человеку может не доставать в медитациях или упражнениях.

Наблюдение и чтение текстов позволяют увидеть и понять, что в действительности разнообразие одеяний, цветов и головных уборов разных орденов не содержит в себе какой-либо тайны. Человек учится распознавать их и, возможно, определять по ним статус человека, орден, которому он принадлежит или то, как давно человек следует Традиции. Добавление цветов на мантию – не скаутские значки, которые дают за разжигание костра, лазанье по деревьям, вязание носков и т.д. Цвета действуют в гармонии друг с другом и иногда намеренно вводят в заблуждение.

В этом нет ничего священного. Просто те, кто знает символическое значение определенной мантии, отдают дань уважения человеку, который ее носит, так как они понимают, что носящий подобную одежду стремится к саморазвитию и гармонизации, а следовательно, заслуживает определенного почтения. Одежаниями не хвастаются, не носят напоказ и стремятся скорее преуменьшать, чем преувеличивать их значение.

Традиционно, когда мантия вручается ученику, ее слегка надрывают. Это символическое действие, оно служит напоминанием; ведь если человек носит мантию и испытывает при этом удовольствие собой, и на него с завистью смотрят те, у кого нет подобного одеяния, этот человек всегда может вспомнить, что его мантия порвана.

3

Определение и распознавание гармонии

Я уверен, что с понятием гармонии знакомы все. В некоторых областях это понятие носит абстрактный характер, особенно, к великому сожалению, в контексте так называемого эзотеризма. Поскольку я пытаюсь быть практичным, хочу отметить так же, что словом «гармония» иногда злоупотребляют, используя его неточным способом, как абстрактное культурное понятие в контексте живописи или музыки. Меня же интересуют практические аспекты: что означает «гармония» и «быть гармоничным» в контексте Традиции? Всего лишь то, что человеческое существо, порождение этой планеты, должно стремиться быть в гармонии с другими вещами, существующими в солнечной системе. В обычной ситуации большинство созданий на этой планете действуют и существуют в гармонии друг с другом, будь то животное, растение или иная материя. Разные виды камней и растений, деревья, цветы, звери, птицы и т.д. устанавливают определенную гармонию в отношениях друг с другом.

В течение веков и поколений человек усердно культивировал дисгармонию зачастую потому, что ему говорили: человек отличается от животных, поскольку обладает силой мышления, рациональностью и свободой выбора, и как таковой намного лучше или принципиально отличается от простых животных, камней или цветов. Это великое высокомерие. Почему человек самонадеянно приписывает себе ощущения, мысли или статус, якобы доказывающие его превосходство? «Величайшее творение Бога?» – ну, тут могут быть разные мнения. Возможно, если бы кто-то смог получить подтверждение «из первых рук», от Самого Господа, это стало бы фактом. Но за отсутствием такого подтверждения с чего бы это человеку считать себя «иным»?

Да, по сравнению с другими существами на этой планете, человек рационален, способен мыслить, учиться, использовать орудия, инструменты, техники, и все это отличает его от остальных существ планеты. Да, возможно, он более развит по сравнению с жирафами. Жирафы не могут печатать или играть на скрипке, а человек может. Но может ли человек создавать маленьких жирафов? Нет. Поэтому, если исходной предпосылкой является вопрос «кто может делать маленьких жирафов», жирафы превосходят человека. Очевидно, что нельзя оценивать все с одной-единственной точки зрения, но можно пользоваться несколькими классическими, проверенными временем позициями, одна из которых – гармония.

Гармония означает быть совместимым с любыми составляющими этой планеты и приносить всему благо. Ведь и сама планета, будучи частью Солнечной системы, совместима с ней в области движения, гравитации, потенциала и других показателей. Она должна быть гармоничной, иначе будет уничтожена.

В Солнечной или, если уж на то пошло, в любой другой системе, независимая планета, которая сходит с орбиты или колеблется, будет буквально изгнана: она либо сгорит, либо вымерзнет. Ее исключают из так называемого сообщества планет, потому что она провозгласила своего рода одностороннюю независимость: «Я хочу следовать собственной траектории, у меня свой апогей, перигей и т.д., я не согласуюсь ни с кем!» Такая безответственность может вызвать – и в прошлом вызывала – катастрофический эффект; следовательно, ее потенциал разрушения и нарушения порядка очевиден. Поэтому для предотвращения разрушений или хаоса соответствующие меры по спасению всегда предусматриваются.

В масштабе планеты, цивилизация или народ – скажем, конкретная человеческая раса – развивает совместимость со своей культурной составляющей и атмосферой; и все существуют и развиваются в этих рамках, пользуясь природными ресурсами, окружением, животными, растениями и едой. Развивая сельское хозяйство и культуру в самых разнообразных формах, люди

укрепляют цивилизацию. В то же время, создав основу развивающейся цивилизации, они и сами гармонично развиваются в ее пределах.

Раз начавшись, этот процесс не прекращается. Посмотрите, например, на пахаря, пастуха или менестреля: когда странствующий музыкант выучит несколько мелодий, пахарь научится проводить прямую борозду или пастух – приглядывать за овцами, они не бросают своего дела, чтобы стать «профессором ухода за овцами» или «заслуженным инструктором пахотного дела». Социальное устройство, в котором каждый хочет обойти другого, создает крайне неустойчивые ситуации. К счастью, большинство людей продолжают пасти овец, одновременно занимаясь собственным внутренним развитием, – это то, что мы называем «быть в мире, но не от мира». Они не отказываются от по-прежнему полезных, старых методик, а только совершенствуют их. Сегодня вы уже не управляете парой быков, запряженных в деревянный плуг, ваш технологически усовершенствованный плуг тянет трактор. Таким образом, человек и сейчас продолжает гармонично развивать сельское хозяйство, используя современные технологии – опять же, в контексте получения пользы от природного порядка вещей и гармонии с ним.

Как только человек установил то, что можно назвать полным спектром основ цивилизации, – от рыхления почвы и посева семян до самых утонченных сфер культуры, – он неизбежно должен был осознать, что достижение большей гармонии с окружающими его вещами прямо отвечает его интересам. Он мог называть это иначе: например, сказать, что ищет понимания себя в отношениях с человечеством в целом или в отношениях с Богом – не столь уж важно какое этому дать название. Главное, понять это, увидеть, что необходимо гармонично развиваться в контексте планеты, в контексте Солнечной системы, в которой он находится; и развитие это должно осуществляться без ущерба для своей семьи, для других людей или общества, в котором живет человек.

В Традиции это означает, что человек не должен уединяться и жить в пещере на вершине горы. Возможно, там, как гласит расхожая мудрость, он может обрести «мир со своей душой» или что-то в этом роде. Что ж, сидя в одинокой пещере можно быть очень мирным, но, по существу, это непродуктивно, потому что человек отрезан от естественных взаимоотношений. Искушение поступить подобным образом может быть велико, но с нашей точки зрения это не особо гармонично. Человеку может казаться, что так он сможет развить в себе некоторую гармонию или спокойствие. Однако, в данном случае, – имеем ли мы дело со спокойствием, которое дарит гармония или это лишь спокойствие тишины? Упомянутые понятия совместимы, но не должны исключать друг друга.

В своем поиске гармонии человек в какой-то момент должен начать определять, пусть хотя бы и смутно, некую доступную для него форму развития, и не судить, к примеру, исходя из следующего принципа: «Вот, я прочитал о том-то и том-то, и думаю, что способен достичь такого-то уровня». Это фальстарт, потому что результат зависит от качества учения и от количества прикладываемых человеком позитивных усилий. Начиная путь, невозможно предсказать, какой точки удастся достичь; поскольку это означало бы создавать для себя ограничения или наоборот, слишком на многое надеяться.

«Думаю, я могу достичь уровня Игнатия Лойолы», или кого-то другого – если это предел чьих-то надежд, что ж, чудесно. И все же – а вдруг человек способен на большее? Когда люди стремятся к чему-либо, но по собственному мнению не дотягивают, их может постигнуть серьезное разочарование. Или, если они внезапно поймут, что смотрят на уровень Игнатия Лойолы сверху вниз, ощущение тоже будет ужасным. Они испугаются, и их разум не выдержит.

Вы не начинаете со слов: «Есть одна конкретная часть моей сущности, которую я особенно хочу развить», поскольку всегда существует опасность, что этот выбор или расстановка приоритетов делается под влиянием одного или нескольких аспектов вашей обусловленности.

Кто-то может решить, что один аспект более важен, чем другой. Что находится во главе вашего собственного списка слабостей?

Какая-то слабость может оказаться важной, в том смысле, что она возникает в разных обстоятельствах, более или менее регулярно, следуя определенному стереотипу. Человек может сказать: «Хорошо, у меня есть все причины считать, что это – самый серьезный недостаток, слабость или проблема из тех, что у меня есть». Он может быть и прав, но это вопрос беспристрастности суждений. Одной из первых техник, используемых в большинстве направлений Традиции, является развитие способности отстраняться от себя самого, смотреть на себя в другом свете, видеть собственные реакции и, с отвлеченной позиции, пытаться понять их причину.

Если смотреть на себя рассудительно, беспристрастно и спокойно, можно честно сказать: «Итак, в моем характере, поступках или поведении наблюдаются следующие недостатки: лень, нетерпение, невнимательность» и т.п. Потом человек составляет список своих сильных и слабых сторон, начинает понимать свои слабости и, следовательно, может развивать сильные стороны. На самом деле, именно этим и занимается человек в контексте Традиции.

Вы не ищете козла отпущения, не перекладываете вину, не пытаетесь найти удовлетворение, говоря: «Да, я был прав, я ленив, нетерпелив или глуп» и т.п. Если то или иное качество оказывается настолько значительным, что проявляется в различных ситуациях; если человек рассматривает его как важное проявление собственной слабости, – или, если уж на то пошло, силы, – оно автоматически попадает во внутренний список приоритетов, и вы беретесь за его изучение.

Существуют упражнения, тексты и виды деятельности, которые помогают установить гармонию с определенным местом, людьми, потоками энергии и с самим собой – в определенные периоды времени и в определенных обстоятельствах. Стараясь достичь этой гармонии, человек не должен выделять одну какую-нибудь гармонию, то есть не должен пренебрегать какой-либо областью достижения гармонии ради другой, поскольку в этом случае нарушается равновесие.

Вернемся к примеру, о котором я говорил – отшельник в пещере. Проведя на вершине горы месяцы или годы, человек может развить значительную гармонию с самим собой; но если после этого, он попытается занять свое место в семье, среди друзей или в обществе, то окажется что он лишен гармонии в самых простых вещах. Допустим, человек просидел семь лет в горах, деньги за это время девальвировали, и вот он спускается и говорит: «Можно мне яблок на фунт и шесть пенсов», а ему отвечают «Что? Вы имеете в виду восемнадцать фунтов?» Это мелочь, но она знаменует целую область дисгармонии, здесь возникает дисбаланс. Нельзя сказать, что в данном случае мы имеем дело с неуравновешенной гармонией, потому что гармония – это равновесие по определению, и никак иначе.

Диссонанс – это не равновесие. Если человек в белых одеждах спустится с гор, загадочный и прекрасный, выйдет на деревенскую площадь и прочитает проповедь, его или отправят в сумасшедший дом, или будут избегать. Это вызовет беспокойство и уныние у него самого и у окружающих, следовательно, он создал диссонанс, а не гармонию.

Итак, человек говорит: «Что ж, думаю, я способен мягко установить гармонию в различных областях себя, сгармонизироваться со своим обществом и с миром в целом». Затем он должен попытаться сделать это в как можно большем количестве областей, находящихся в пределах его досягаемости. На него могут влиять те привычные способы мышления и поведения, которым его обучили и которые находят отражение в его мыслях, действиях и планах.

Приняв твердое решение, что отныне он будет пытаться следовать пути развития, человек не становится в одно мгновение коммерчески успешным, физически совершенным и на сто процентов экономически стабильным он не получает неожиданной любви со стороны друзей и врагов, не становится звездой сцены и экрана. Все должно развиваться сбалансированным и уравновешенным способом.

Возвышенные устремления – «я стремлюсь к этому, к тому или к чему-то еще» – могут быть целями или задачами. Они могут меняться, приобретать гибкость – по мере того, как

человек начинает лучше осознавать свои сильные и слабые стороны и обретает способность использовать энергию, которая становится ему доступной.

Чтобы суждение человека о самом себе были беспристрастными, ему необходимо прежде всего разобраться со своей индивидуальной обусловленностью; одно и то же воздействие может приводить к разной степени обусловленности у различных людей, в зависимости от их наследственности и опыта. Можно взять шесть человек разного происхождения, возраста, образования и т.д., посадить их на шесть месяцев в тюрьму – и это повлияет на каждого из них по-своему. Некоторые за эти шесть месяцев освоят ремесло, другие научатся подделывать банкноты, а кто-то проведет три месяца в криках и голодовках; поэтому не существует такого понятия, как некий слой обусловленности, неизменно образующийся в течение года или вроде того.

Обусловленность может быть вызвана самим человеком или обстоятельствами. Иногда это происходит в течение года или даже шести месяцев; но за следующие шесть месяцев обусловленность может исчезнуть, благодаря контакту с чем-то позитивным и полезным, например, благодаря какой-либо позитивной деятельности. В криминалистике это называется реабилитацией: человек проводит в тюрьме семь месяцев, и, освободившись, проходит курс реабилитации; он заплатил свой долг обществу, и теперь надо помочь ему встать на ноги. Поэтому предполагается, что в первый год после выхода из тюрьмы, посредством собственных усилий, помощи социальных работников и чего бы то ни было еще, человек должен преодолеть последствия перенесенной в тюрьме «депривации» и всего остального.

Люди могут подвергаться определенному обусловливанию в течение десяти лет, причем его уровень теоретически может быть очень высоким, но это не означает, что подобное состояние невозможно ликвидировать за следующие десять месяцев; поскольку время – очень забавная и непонятная штука, оно может сжиматься или растягиваться. Это – качественная, а не количественная величина; и, если человек участвует в правильной, позитивной и гармоничной деятельности, баланс восстанавливается. Энергия, которую человек получает или производит, будет автоматически направляться на стимуляцию полезных сильных качеств и уменьшение тех слабостей, которые препятствуют гармоничному развитию человека. Это важный шаг и очень серьезная работа – в том смысле, что человеку приходится преодолевать многие годы, проведенные в обусловленности, созданной им самим или навязанной извне.

Гармония – это эффективное и рациональное использование энергии и себя самого, принимаемое определенным способом и в конкретных сферах; и целью здесь является установление гармонии со своим существом в контексте собственной жизни и намерение достичь гармонии с теми сущностями, в отношении которых у человека возникнет такое желание. Опять же, на начальных этапах не обязательно составлять список «я хочу находиться в гармонии вот с этим и еще вон тем». Можно, конечно, сделать нечто подобное, ничего ужасного не произойдет, это не будет мешать реализации ваших усилий, но только до тех пор, пока такие приоритеты остаются просто записанными, а не неизменными.

Если человек предпочитает какую-то музыку или какого-либо конкретного писателя, цвет или материал другим, – пусть. Это может быть связано с тем, что он уже ощущает некую гармонию с избранным объектом; возможно, определенная вещь оказала сильное влияние на этого человека в момент, когда он был в состоянии обостренного восприятия, а потому у него есть веские основания для ее удержания. Человек осознает, что подобное переживание связи или родства с определенным индивидом, предметом, музыкой, цветом или еще чем-то было им тщательно исследовано, признано обоснованным, и потому стало полноценной частью его самого. Часть эту нельзя считать чуждым элементом, словно бы вживленным инопланетянами; поскольку чужое вмешательство, по определению, внесло бы элемент дисгармонии.

Гармония – это баланс. Крайности вносят диссонанс, так же, как в музыке. Диссонансом можно назвать попытку совместить два не сочетающихся друг с другом цвета или материала,

хотя каждый из них, в своем собственном контексте, может быть вполне удовлетворительным. Вы не навязываете их объединение, вы не насаждаете гармонию или согласие силой.

Итак, гармония – это баланс с природой и в контексте природы. Я говорю не о том, что вы должны увить себя цветами и бегать по лесу – это крайность, чрезмерное обобщение самой концепции гармонии, которая не должна быть абстрактной. «О, гармония! это чудесно» – да, но сначала почувствуйте ее; так же как при помощи осязания вы можете ощутить гармонию ткани, музыки, движения, действия или чтения.

Попытайтесь перевести понятие гармонии из области теории в практику, чтобы чувствовать и использовать ее. Почувствуйте взаимосвязь, уровень гармонии ситуации, попробуйте воздействовать на них. Гармония – это ни в коем случае не абстрактная благодать, она вполне ощутима. Она не менее осязаема, чем любая достойная внимания дисгармония – например звук ножа, скребущего по тарелке. Но есть другая крайность, она проявляется, когда человек думает: «Все чудесно и прекрасно» – ну что же, в этом нет ничего плохого, я не пытаюсь обесценить подобное мнение. Мне и самому нравится такая жизнеутверждающая позиция, но если руководствоваться ею в жизни, человека втопчут в землю – или он сам, или окружающие.

В гармонии, конечно, есть сила, но из этого не следует, что вы должны удалиться в какое-то место или уйти в себя, достать дубинку и сказать: «Так, сейчас я всех здесь приведу в гармонию, даже если для этого мне вас придется убить», – поскольку, в таком случае, вы создаете дисгармонию. Если уж люди настолько негармоничны в целом или лично для вас – либо проигнорируйте их, либо убейте. Лучше все-таки проигнорировать, потому что убийство и все его последствия создают неловкие ситуации и проблемы с законом.

Поэтому гармонию нельзя навязывать по принципу или-или. Вы достигаете гармонии, используя гармоничные техники и сознательно применяя разные виды гармонии – ведь, в зависимости от ситуации, и уступчивость, и сила могут быть равно гармоничны. Жесткие и поспешные определения обычно приводят к крайностям.

Гармония – это сбалансированное понимание, гармоничные взаимоотношения с окружающим миром. Не нужно устраивать некий Великий Крестовый поход под лозунгом: «я ненавижу своего соседа, но буду с ним гармонизироваться». Вы можете очень легко достичь гармонии с ним самым что ни на есть прекрасным образом, просто игнорируя его. Гармония передается и создает большую гармонию. Беспокойный ум, напряжение, раздражение негармоничны, но они поддаются гармонизации.

И все же гармония не должна быть просто отсутствием дисгармонии. Отсутствие разногласий, ссор, споров еще не означает гармонии. Я говорю о достижении общности целей, идей, мнений и использовании этой гармонии в конструктивном ключе. Необходимо создавать позитивные ситуации, в которых наличие и использование гармонии является особым инструментом.

Когда кто-то говорит, что живет в гармонии с ситуацией, человеком или чем-то еще, в обычном понимании этих слов он, как правило, подразумевает, что уживается с какой-то вещью или человеком. Но гармонизация должна означать нечто большее; это значит, что вас словно бы «пронизывает» другой человек или, например, какое-либо музыкальное произведение, и вы вступаете с предметом в гармонические отношения. А затем, на основе такой гармонии, продвигаете ситуацию, гармонию, отношения, контекст на следующий уровень. Недостаточно сказать, что дисгармонии нет. Я так настойчиво подчеркиваю этот момент, потому что он очень важен, тогда как его часто не замечают: «Да, да, все чудесно, мы не ссоримся... так что нам делать дальше?» Не достаточно просто «не ссориться», вы должны что-то сделать с подобной ситуацией в которой отсутствуют ссоры.

Используя и вкладывая накопленную энергию, вы укрепляете себя и накапливаете ее больше. Если ваша ситуация подобна незасеянному полю, – я имею в виду вспаханную землю, в которой нет сорняков и камней, – такая ситуация должна обладать способностью к разви-

тию, т.е. такое положение является потенциально полезным. А если оно потенциально полезно, почему бы не развить этот потенциал, вместо того, чтобы просто отмечать его наличие: «Все в порядке, сорняков нет, нет этих ужасных камней, нет проблем – значит все прекрасно». Прежде всего вы отмечаете факт, что какие-то конкретные взаимоотношения, ситуация или окружение гармоничны; это хорошо. Потом вы смотрите на это в связи с другими ситуациями или людьми, в ином контексте, и видите, каким способом можно увеличить гармоничность данной ситуации с тем, чтобы войти в такое же созвучие и со всем остальным.

При этом у вас не должна возникать некая параноидальная необходимость гармонизировать все вокруг. Рассмотрим аналогию с фермером, у которого несколько полей. В первый год он сажает корнеплоды и пшеницу, а одно поле оставляет под паром, чтобы менять выращиваемые культуры. Если он начинает переживать по поводу того, что поле должно приносить урожай, то потратит время, засеивая все большую площадь, и иногда будет получать больше урожая, чем ему на самом деле нужно. В результате он начнет беспокоиться, поскольку не будет знать, что делать с полученными излишками, возникнут дополнительные трудности. Но если он решит, что в этот год такое-то поле будет под паром, то почва получит необходимый отдых, отчего ее плодородность увеличится; и с этого момента, следуя естественному порядку вещей, данный участок плодородной земли войдет составной частью в общую систему фермерского хозяйства. Теперь он не будет волноваться об этой земле; он просто будет знать, что она есть.

Если в течение года кто-то предложит ему хорошую идею того, как можно использовать эту землю, он посмотрит на картину в целом и увидит, можно ли ее использовать таким образом и как это будет сочетаться со всем остальным. Хороший фермер все время черпает выгоду из доступных ему ситуаций и ресурсов. Он не носится с мыслью о том, что «должен» как-то использовать эту землю, и в то же время не игнорирует ее думая про себя: «Ну, сейчас мне ничего не приходит в голову, но, может быть, кто-нибудь подскажет» – Такие вещи происходят совсем не так. Если все спланировано верно, подготовка гармоничной ситуации, обстоятельств или места привлечет гармонию. Правильная гармония развивается, повинувшись абсолютно нормальному ритмическому контексту; назовите его космическим, галактическим, как угодно.

Циклы гармоничной активности «цепляются» друг за друга, вы не можете форсировать этот процесс и его скорость. Если что-то находится в гармонии с естественным прогрессом, естественным развитием, оно должно и будет гармонизироваться; но не насильственно, не в результате насаждения ложной гармонии – также как в оркестре инструмент, настроенный на другую тональность, не может считаться гармонизированным. Нельзя навязать гармонию кому-то или чему-то. Гармоничная настройка всегда происходит в согласии со всеми остальными, связанными с данным, видами деятельности.

4

Установление индивидуальной и групповой гармонии

Как можно создать гармонию? Это похоже на развитие способности к расслаблению. Не нужно бегать и кричать: «Я гармонируюсь вот с этим!» или «Что бы ни случилось, я установлю гармонию с таким-то человеком или контекстом!»

Люди могут (и чаще всего так и поступают) «разбрасываться», стремясь гармонизироваться, скажем, со всем на свете. Также бывает, что человек слишком сильно старается: «Я налажу гармонию с данной вещью, человеком, местом, даже ценой своей жизни». С другой стороны, вы не выбираете с какой ситуацией, вещью или местом гармонизироваться, поскольку при этом появляется опасность «избирательной гармонизации». Вы осторожно нащупываете свой путь, держась середины между «я гармонируюсь со всем сущим» и «я буду гармонизироваться только с тем, с чем захочу». То, в чем вы нуждаетесь, и то, чего вы хотите – возможно, разные вещи, поэтому первоначально человек должен стремиться к гармонизации, следуя очень простому принципу: «подобное притягивает подобное».

Если человек стремится развивать в себе гармонию, то, по мере постепенного обретения внутренней гармонии, он притягивает гармонию и от других людей, обстоятельств, вещей. Где бы ни существовала эта гармония, он настроится на нее. Такое развитие внутренней гармонии осуществляется посредством всех техник, упражнений, материалов для чтения и других составляющих Традиции. В Традиции все перечисленные виды деятельности многогранны, и обладают множественным эффектом на разных уровнях. Один из таких уровней – развитие гармонии в самом себе; если человек стремится достичь подобного уровня при помощи перечисленных занятий или механизмов, эта его цель автоматически согласуется с другими, уже существующими гармониями.

Допустим, человек настраивается на гармонию. Теперь... как можно пытаться использовать эту гармонию непосредственно в процессе ее развития? В конце концов, побочным результатом развития гармонии с самим собой и с различными ситуациями должна также быть способность разумно и с пользой использовать эту гармонию: как для того, чтобы усилить гармонию ситуации, так и для того, чтобы воздействовать на ситуации, встречи и собрания людей в гармоничном ключе.

Существуют различные методы достижения гармонии. Предположим, возникает ситуация, похожая на упомянутую мной выше, когда я говорил, что гармония в своей наивысшей форме не есть простое отсутствие дисгармонии, потому что это нулевая позиция: ситуация, лишенная как дисгармонии, так и активной гармонии. Если вы хотите повысить гармонию, то используете одну из базовых тактик Традиции, которая в большей или меньшей степени применяется во всех областях, а именно вы должны задействовать энергию.

Сама по себе гармония – это энергия, которую вы применяете таким образом, чтобы она вибрировала в резонансе с другими объектами космической или галактической природы. Особый тип гармонической энергии обеспечивает работу механизма, создающего и использующего гармонию. Если вы замечаете недостаток полезной гармонии в какой-то ситуации, то можете попытаться исправить положение, войдя в ситуацию и гармонизировав ее или попытавшись слегка сместить ее в область гармонии.

В этом случае всегда возникают некоторые проблемы: пытаюсь поднять ситуацию на уровень позитивной гармонии (причем даже не на очень высокую ступень, а лишь на толику – мало-помалу, шаг за шагом), человек может сам «увязнуть» в ситуации, которую собирается «приподнять». Этого можно избежать, потратив на подобное позитивное изменение ситуации чуть больше энергии.

Еще один возможный способ использования энергии для улучшения ситуации: повлиять на нее извне, т.е. не вмешиваясь в ситуацию лично. Мы используем передачу энергии от человека к человеку, от человека к группе, от группы к человеку и т.п. – таким же образом и гармония транслируется от человека на ситуацию, от группы на ситуацию и так далее, поскольку правильная гармония – это позитивная форма энергии.

Вы можете сделать это несколькими способами. Рассматривая (непосредственно или в своем воображении) ситуацию, человека или группу, с которыми вы хотите гармонизироваться (или передать энергию в количестве, достаточном для гармонизации), вы концентрируетесь на этом объекте (или человеке), делая свои намерения очевидными. Вы не просто говорите: «О, я думаю, что было бы неплохо подумать об этом человеке, группе и т.п.» – все это слишком расплывчато, у вас получится слишком широкий луч. Его надо сузить, сфокусировать посредством вашего намерения. Сформулируйте для себя, какова ваша цель, а потом гармонично сконцентрируйтесь на своем намерении.

Подобно тому, как мы можем собраться вместе и сфокусировать разные формы групповой энергии, направляя ее на ситуацию или человека (чтобы помочь человеку со здоровьем или с чем-то еще), сам человек также может сфокусировать эту энергию на каком-то конкретном аспекте. Если таким аспектом будет гармония, то уже само это намерение человека призывает необходимый тип энергии – именно тот, который он хочет задействовать. Вам не нужно суесться, бегать кругами в поисках энергии: «Есть ли у меня такое количество энергии?», «Достаточно ли я гармоничен, чтобы сделать это?» – если ваше намерение и ваше решение достаточно позитивны, необходимый вид энергии станет вам доступен, в рамках ваших способностей получать, удерживать и передавать ее.

Вы должны быть очень точны в этих областях, легкомыслие и расплывчатость здесь недопустимы: «О, я хочу, чтобы все были счастливы, пели и плясали» и т.п. Вам доступны техника и энергия; используйте их настолько точно и строго, насколько это возможно в конкретной ситуации. Вы не проецируете на ситуацию своих представлений о том, как она должна развиваться. Если бы именно это вы должны были делать, вас бы уже призвали дать четкое и окончательное определение гармонической работе или гармоническому поведению, но никто с вас не спрашивает такого рода ограничительных определений. Так, что у вас нет оснований говорить: «О, если мои суждения неверны, мне лучше вообще не браться за это».

Если ваши намерения верны и вы считаете, что какая-то ситуация требует использования гармонии как энергии – прекрасно, используйте ее. Но не пытайтесь навязать то, какими должны быть результаты воздействия такой гармонии на человека, группу или место: «Я чувствую атмосферу: а, б, в», «Я хочу, чтобы все танцевали с розами в волосах» – поскольку при этом, наряду с гармонией, которую вы стремитесь передать, вы навязываете и определенные условия. Если ваше намерение – поддерживать гармоничную ситуацию, то, классифицировав определенную энергию как гармоничную, вы просто используете ее.

Кроме того, когда вы навязываете результаты, которые хотите получить, и задаете условия, существует вероятность, что все сработает не так, как вы планировали. Это может привести к стремлению перепроверить себя: «Я хотел, чтобы получилось так-то и так-то, но вышло иначе. Значит, я был неправ? Использовал неправильную энергию или неверно ее направил?» Дело не в этом. Между временем, когда вы посылаете энергию, и моментом ее получения может быть миллисекунда разницы. Вы должны позволить ситуации или обстоятельствам самим определиться с использованием этой гармоничной энергии наилучшим образом. Вы всегда отстае на миллисекунду. Ожидая от человека, места или ситуации точного соответствия, вы навязываете людям, которые получают энергию, определенные ограничения. Может быть, все и будет соответствовать вашему плану в точности, почему бы и нет, и тогда проблем не возникнет. Но даже если не будет – пока вы правильным образом направляете свое намерение на создание гармоничной ситуации, энергия гармоничного намерения не будет потеряна.

Гармоничные действия создают вокруг человека так называемый магнитный поток. Он не всегда доступен восприятию – т.е. если человек приходит в ситуацию с гармоничным намерением, окружающие люди не начинают тут же раскачиваться и трястись, стоит ему соприкоснуться с их «аурой» и все такое. Полезное намерение, независимо от конкретных целей, должно оставаться вашим секретом. Если оно подействует, вы можете заметить или не заметить это, увидеть или не увидеть, потому что оно может сработать таким способом, которого вы не видите или не знаете.

Вы должны сделать свое гармоничное намерение ощутимым, не скрывая его, но и не придавая широкой огласке; это будет правильной и полезней, чем совершать гармоничные действия напоказ. Конечно, девиз «Я собираюсь быть гармоничным, и вам бы лучше поверить в это!» звучит впечатляюще, но человек может гораздо более гармонично действовать, думать и влиять на себя, другого человека или ситуацию, непосредственно входя в эту ситуацию или окружение.

Допустим, привнося гармонию в свое окружение, вы стремитесь получить уважение и признание. Тогда для вас может оказаться полезной следующая история.

В Багдаде жил невероятно богатый купец. Всю свою жизнь он не щадил никого в своем стремлении к наживе, однако, на рубеже шестидесяти лет, у него стали появляться дурные предчувствия. Тогда он построил огромную мечеть, потратив на это внушительную сумму. Мечеть была покрыта чудесными изразцами со всевозможными орнаментами, и надпись на ее стенах гласила: «Султан Мухаммад поставил эту мечеть во славу Божию». Когда купец скончался, то в судный день оказался перед огромными весами. Все его дела – добрые и злые – стали складывать либо на одну, либо на другую чашу, и, в конце концов, весы слегка склонились в отрицательную сторону. В соответствии с этим поступило распоряжение: «Хорошо, забирайте его вниз». Но купец сказал: «Подождите, я требую пересчета». Тогда вынесли Книгу и снова просмотрели все, что он делал, хорошее и плохое, и весы по-прежнему показали перевес плохих деяний. Купец воскликнул: «Минуточку, но я же не получил должное за построенную мною мечеть», на что ему ответили: «Это не так, ведь ты написал на стене: «Султан Мухаммад поставил эту мечеть во славу Божию», и получил должное на Земле. То, что ты делал, было видимым, поэтому здесь ты ничего не получишь».

Суть истории в следующем: главную роль играет намерение. Если человек знает, каково его намерение, и может принять его и позволить ему управлять своими действиями, то все в порядке. Гармонизация не обязательно означает объединение всех в единую однородную массу (без учета происхождения, расы, семьи и т.п.). Человек гармонизируется в соответствии со своим ощущением собственных возможностей и способности к гармонизации, и его способность возрастает по мере того, как он практикует гармонию в самом себе.

Наиболее «примитивным» – элементарным – способом гармонизации можно было бы назвать процесс передачи благих или благотворных пожеланий человеку, которого сейчас нет рядом. В арабском языке вы, говоря о ком-то, добавляете: «Да не будет у него проблем». Это может произноситься автоматически, тем не менее, здесь присутствует намерение послать кому-то хорошие пожелания. В Англии говорят: «Передайте такому-то мои наилучшие пожелания». Пусть даже это произносится бездумно, однако, если ваше намерение сильно, и вы действительно имеете в виду «Передайте такому-то мои наилучшие пожелания», а не просто повторяете эти слова из вежливости, то подобное выражение намерения оказывается очень простым способом гармонизации с человеком. Как говорит Руми: «Намерение рождает действие». Без намерения не может быть действия, а без хорошего намерения не может быть хорошего результата.

Чем лучше вы знаете других, тем глубже гармонизируетесь с ними и тем лучше способны понять их действия и реакции, их отклики на ваши импульсы. Истинность этого высказывания бесспорна в области коммерческих взаимоотношений, однако оно верно и на других уров-

нях: в личном, групповом, национальном и любом другом контексте. На многих примерах вы можете увидеть, как влиять на людей и помогать другим в их размышлениях; как воздействовать на их развитие и поддерживать его; как помогать им справляться с их проблемами; как вам объединить свои помыслы в определенных фундаментально важных областях.

Вы можете сказать: «Все это очень хорошо, но не заходим ли мы при этом в область «разве я сторож брату моему?» Нет. В конце концов, существует грань, за которой у вас нет ни права, ни возможности «спасти человека от него самого». Никто не сторож брату своему в том смысле, что не отвечает за все, и не должен ходить и присматривать за кем-то, постоянно охранять и защищать и т.п. Я имею в виду, что если вы являетесь участником единой сложной деятельности, – т.е. в случае группы, – любое благоприятное воздействие отражается на состоянии системы в целом. Ничто вредоносное не сможет проникнуть, повлиять или вызвать негативные последствия во всей системе; наоборот, существующая гармония должна обладать способностью компенсировать любой негатив.

Человек может лично и не отвечать за негатив или проблему, но если среди групп, как и между индивидами, существует определенный уровень гармонии, то можно более эффективно воспользоваться возможностью уменьшить вред, трудности или потрясение, если случится что-то неприятное. Вы или группа можете встретиться с проблемами «вовне» до того, как они причинят достаточно беспокойства, чтобы оказать какое-то влияние на основную структуру. Гармония начинает функционировать на уровне «системы раннего оповещения»: человек что-то ощущает, чувствует, улавливает малейшие контуры и последствия мыслей, поступков, действий, собирает их вместе, воспроизводит и получает, так сказать, «отпечаток впечатления».

Я говорю не только о негативных ситуациях, но и о позитивных. Человек или группа могут пытаться продвигать развивающуюся позитивную ситуацию в другой группе, и это не повредит деятельности передающей группы. То есть, если человек достаточно гармонично связан с другой группой или личностью, передача энергии, импульса, помощи или гармоничной вибрации этой группе в качестве осязаемой поддержки не обернется жертвой или потерей энергии для него самого. Человек будет знать когда, где и как это сделать, поскольку, если гармоничные отношения установлены, в них присутствует самый важный фактор – коммуникация. Человек чувствует приливы негатива или позитива; если ощущается присутствие негатива, то, получив предупреждение заранее, индивид предпринимает действия, необходимые чтобы разобраться с этим. Если же ситуация обладает позитивным потенциалом, человек собственной мыслью и действием может способствовать тому, чтобы реализация подобного потенциала произошла быстрее.

Человек (или группа) ничего не теряют, осуществляя воздействие на ситуацию. Принимающая группа может предположить, что сделала все сама. И это правильно – никто не будет говорить: «Ха-ха, это мы вам помогли», – но если группы связаны достаточно тесно, то подразумевается, что любая группа, добившаяся в чем-то успеха, будет понимать, что, вполне вероятно, получила помощь.

Это не должно становиться для людей источником досады: «О, почему они не оставили нас в покое, мы могли бы сделать это сами», – или что-то подобное. Необходимо просто принять тот факт, что, вполне возможно, помощь была оказана. Если это так, то хорошо; если не так – не важно. Они ожидают этого, надеются на это и хотели бы, в свою очередь, вернуть полученное в общий фонд усилий, действий и энергии.

На каждом уровне гармонизация делает возможной коммуникацию по всем направлениям. Вы, разумеется, не лезете в чужие карманы, не суετε нос в чужие дела, стремясь днем и ночью знать, что происходит у всех остальных и тому подобное – это не гармония, это назойливость. Гармония означает, что человек гармонизируется с другими людьми; думает *вместе* с ними, а не *за* них. Можно надеяться, что их благие намерения – это и ваши благие намерения, поэтому вы поддерживаете их морально и с помощью всей энергии, которая есть в вашем рас-

поражении. Это – исключительно мысленная поддержка, как если бы человек говорил: «Итак, такой-то человек или такая-то группа делают что-то; я надеюсь, у них получится». Это – идентификация с индивидом или группой, и ее воздействие благотворно. Человек, который дает, надеется, что и в ответ получит то же самое.

Гармония – это не что-то абстрактное. «Согласны ли мы все, братья, что между нами установилась гармония? Да! Хорошо, следующий вопрос на повестке дня...» – если кому-то нужна такая гармония, я могу кричать и неистовствовать, требуя гармонии, и все будут сидеть, боясь шевельнуться. Это – не гармония, это – страх, и он совсем не полезен; кроме того, страх приводит к негативным последствиям, потому что, если вы не знаете, к какой гармонии стремитесь, то можете перетянуть струну. Если вы настраиваете фортепиано, вам потребуется либо абсолютный слух, либо камертон. Нельзя гармонизироваться в вакууме. Вы гармонизируетесь с чем-то, и гармония, по определению, достигается посредством сравнения и обмена. Существует консонанс и диссонанс. Две вещи либо сходятся, либо расходятся в разных направлениях, и тогда, очевидно, не могут пересечься.

Вы можете до посинения требовать гармонии; угрожать, что если вы ее не получите, то сделаете то, это и еще вот это, но так вы ничего не измените. Недостаточно просто учить и прививать людям потребность в гармонии. Вы можете твердить о ней сколько угодно, но это не означает, что вы ее обретете. Мало-помалу, вы «прививаете» людям знание о том, что такое гармония, как ее достичь, использовать и поддерживать.

Если рассматривать гармонию как своего рода волну или энергию, то она, по определению, должна иметь положительную природу, иначе гармония могла бы стать помехой или источником беспокойства. Она работает на таком уровне, на котором гармония может быть воспринята другой ситуацией, благодаря чему произойдет «сцепление». Если точки передачи и получения вибрируют на одной частоте, установление соответствия и гармоничных отношений не является проблемой. Поэтому принятие и использование подобной гармоничной энергии или гармоничной волны не может быть навязано. Если вы считаете, что действуете гармоничным образом, результат, соответственно, должен быть гармоничным.

В обычной повседневной жизни человек делает это инстинктивно. Если вы собираетесь на важную встречу или деловое совещание, было бы странным прийти туда в ластах или цилиндре; обычно люди инстинктивно ведут себя гармоничным образом. Да, это поверхностная гармония, но, тем не менее, гармония; намерение человека – гармонизироваться с другими людьми и ситуацией. Затем вы делаете следующий шаг – надеваете костюм и все, что требуется, чтобы гармонизироваться в области одежды и внешности. Вероятно, вы и говорить будете так, чтобы войти в гармонию с другими – и с точки зрения используемого языка, и в выборе тем для разговора; отлично. Вы можете усилить свое намерение, сказав: «Большинство этих людей мне нравятся, поэтому я хочу, чтобы наше общение и беседы были полезными, любезными, познавательными, интересными и увлекательными».

Вот еще один положительный шаг к гармоничной ситуации. Допустим, человек говорит: «Все хорошо, но я собираюсь затронуть то, что может внести ноту несогласия, потому что буду критиковать что-то или кого-то, какое-то занятие или область»; или: «Я просто не буду соглашаться с происходящим». Как получается, что у такого человека есть вся поверхностная гармония в том, что касается одежды, языка, исходных предпосылок общения и т.п., и при этом он вносит ноту дисгармонии, потому что возражает или критикует? Как уравновесить ситуацию?

Данный вопрос связан с двумя условиями: во-первых, исходит ли намерение внести ноту дисгармонии от негармоничного мотива? Например, «Я просто хочу сорвать эту встречу!» Или ваше намерение честно и искренне основано на том, что вы чувствуете необходимость позитивного замечания или критики, чтобы улучшить общую гармонию ситуации, группы или деятельности?

Если вы удовлетворены своими мотивами, то можете сказать себе: «Что ж, возможно, мне и придется внести резкую ноту; но я постараюсь усилить и спроецировать на ситуацию мое гармоничное намерение. Поэтому, хотя я и должен буду высказывать критику, надеюсь, что ее воздействие будет смягчено очевидностью моих конструктивных намерений (коими будут пронизаны слова и поступки критического характера) и тем, что мои действия будут направлены на увеличение гармонии группы или ситуации». Когда почва подготовлена подобным гармоничным образом, и по всем внешним и другим признакам люди понимают, что намерения человека в этой ситуации действительно имеют гармоничный характер, его действие не создаст того, чего он стремится избежать – т.е. дисгармонии.

Если же намерения неясны, если присутствует неопределенность, необходимо быть предельно внимательным к тому, какие исходные предпосылки вы используете. Когда они основаны на ваших предположениях о том, в чем нуждается другой человек, группа или ситуация, вы ступаете на опасную территорию, потому что ваше представление о происходящем зачастую основывается на множестве допущений: «Им нужна порядочная взбучка»; «Любая встряска лучше, чем ничего»; «Любое движение лучше, чем его отсутствие». Это – использование ложных предпосылок.

Я уверен, что каждый из нас видел людей, чье стремление прославиться в местном пабе или где-то еще выражается в форме вызывающих, громких, скандальных, враждебных или шокирующих высказываний – не обязательно потому, что они выпили лишнего, а просто потому, что такова общая тактика хвастовства. Начинается все с известной фразы: «Ну, не знаю, я с вами не согласен» – и пошло-поехало... Человек хватается за идею, ищет возможности подробно изложить ее, привлекает к себе внимание – в этом проявляется чувство собственной важности. Если индивид не думает об отдаленных последствиях своих действий, такое поведение неоправданно дисгармонично.

Подобное поведение встречается очень часто. И, после того, как этого человека выкинут из бара, если вы спросите его: «Знаешь, то, что ты говорил вчера вечером, было чертовски глупо, не правда ли?», он ответит: «Я не думал, что поднимется такой шум». Главное в его словах – «Я не думал». Последствия поступка могут развиваться все дальше, это эффект расходящихся волн. Намерение должно сочетаться с предвидением той ситуации, которая создается в результате ваших слов.

«У меня были благие намерения» – это высказывание слишком туманно, чтобы, так сказать, делать на него ставку. Если намерение неточно, возможность ошибки сильно возрастает. «Мои намерения в целом были благими», – но благими намерениями вымощена дорога в ад. Что имеется в виду под «благом»? Благо – слишком абстрактная концепция, как, например, Добро и Зло.

Поэтому, даже если намерение благое (к примеру, гармонизироваться с ситуацией), но ваша изначальная оценка ситуации неверна или используется неправильная тактика, – какую бы гармонию не чувствовал человек внутри себя, ему необходимо привести в действие гармоничное намерение и позволить другому человеку, ситуации или контексту принять эту гармонию и усвоить ее. Вы также можете постараться воздействовать на ситуацию или обстоятельства положительным способом – решение о том, делать это или нет, вы принимаете исходя из понимания своих возможностей и вашей связи с ситуацией. Гармонию, по определению, невозможно навязать.

Намерение использовать и осуществлять гармонию должно быть взвешенным решением, которое не переходит в ту или иную крайность. Сначала вы определяете намерение; потом совершаете необходимые действия, опираясь на собственные знания о цели и учитывая (в той степени, в которой это вам доступно) особенности других людей или ситуации в целом. Само намерение приведет гармонию в действие и сделает ее доступной для использования.

«Я думаю, что люди должны гармонизироваться таким-то образом», – самая опасная часть в этой фразе: «я думаю». Если вы говорите: «Я знаю», – гораздо лучше; но это уже совсем другой разговор. Если вы скажете: «Мне кажется, это может сработать», – у вас в наличии уже два сомнительных фрагмента: «кажется» и «может». Лучше скажите себе: «Я вхожу в эту ситуацию с намерением гармонизироваться с ней, сделать все, что я могу, в пределах разумного, и передать ситуации гармоничную энергию моего намерения». Не давите, не предсказывайте. Сделайте энергию доступной и отпустите ее, она сама достигнет пункта назначения.

Постарайтесь понять, как вы можете использовать гармонию; вспомните, по каким признакам вам ранее удавалось определить, что ваши действия, мысли или чувства гармоничны? Как вы определяли гармоничные обстоятельства? Верните это ощущение и задействуйте его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.